

ДРУГИЕ
МИРЫ

18+

Ольга Романовская

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Другие миры (АСТ)

Ольга Романовская

Песочные часы

«Ольга Романовская»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романовская О. В.

Песочные часы / О. В. Романовская — «Ольга Романовская»,
2016 — (Другие миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-096400-0

Человеческие судьбы – как песчинки в песочных часах. Сегодня ты – обычная семнадцатилетняя школьница, любимица родителей, без пяти минут жена. Завтра твоя песчинка-жизнь упадет, родное княжество завоюют, и ты превратишься в рабыню, лишишься даже имени. Отныне Иалей Шартан больше не человек – вещь, у которой не может быть мыслей, чувств и желаний. Единственное ее предназначение – ублажать господина. Многие смиряются, но не Иалей. Она отчаянно борется за свободу, пытаясь сохранить частичку себя, но.....Но время идет, песчинки в песочных часах сыплются, и однажды все может измениться.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096400-0

© Романовская О. В., 2016
© Ольга Романовская, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	58
-----------------------------------	----

Ольга Романовская

Песочные часы

© О. Романовская, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Лишившись возможности выбора, человек перестает быть человеком.

Э. Берджесс. Заводной апельсин

Пролог

Он сел на кровать и похлопал рукой по простыне. Покорно подошла, разделась и легла, как делала много раз. О чем думала в подобные моменты? О разном. Сейчас, к примеру, ни о чем: устала, намаялась с уборкой. В библиотеке столько книг, нужно каждую вытереть от пыли, обработать специальным составом и убрать на место.

Хозяин любил аккуратнo, мне вообще повезло с ним. У других рабынь все тело в синяках, они страшатся ночи. Вернее, того, что она несет: боли, унижения, стыда и крови. Мой никогда не насиловал с животной страстью. Он умел чувствовать и, видя, что совсем не хочу, мог и вовсе оставить спать в одиночестве. Но я все равно не любила его, хотя и уважала, и ценила заботу. Привыкнуть – привыкла. Насколько смогла. И смирилась. Говорят, собака тоже привыкает... Что поделаешь, если выхода нет, а хозяин хороший. Но все равно хозяин, и никакие ласки не заставят забыть об ошейнике.

Для мужчины, наверное, оскорбление, когда женщина под ним дремлет, но я так устала... Да и хозяин сразу воспротивился попыткам изображать неземное блаженство. Когда-то боялась, что высекут, если не стану притворяться. Так вот, он сказал: «Никогда не лги. Хочу знать, что ты всегда со мной честна». И я старалась.

Разумеется, за провинности хозяин наказывал, но за вранье карали куда страшнее. Видела, что стало с чужой молоденькой торхой, которая, пытаясь скрыть оплошность, запуталась в паутине лжи. Мухи покрывали ее, иссеченную крученой плетью. Она провисела так до заката, а потом бедняжку увезли. Куда, лучше не думать. Хозяин показал в качестве назидания и не остановил владельца бедняжки, который отдал приказ о жестоком наказании.

Странно, но в этот раз вышло терпимо. Наверное, спальня пропиталась частичками кристаллов озиза. Они благотворно сказывались на мужском и женском влечении. Осторожно скосила глаза: так и есть, два светящихся кристалла и курильница, источающая едва уловимый терпкий аромат. Интересно, много хозяев так же заботятся о своих торхах?

В том, что озиз для меня, не сомневалась. Хозяин прекрасно обходился без него, вот и теперь не ленился. Чувствую, опять разболются мышцы. Хозяин не женат, тратит весь запас мужских сил на меня и любовницу из норнов. Мы с ней такие разные, как ему могут нравиться обе? А ведь я хозяину нравилась, он хотел сделать приятно.

Закончив, хозяин не отослал, а притянул к себе. Привычно сжалась в комочек, уткнувшись головой ему в бок. Такое случалось нечасто, обычно я ночевала у себя, но сейчас зима, а в моей комнатухе без окон так холодно. Все-таки повезло мне: засыпаю в постели благородного норна, будто равная, ощущая теплую тяжесть мужской руки. В такие минуты я проникалась к хозяину особым чувством, на время забывая, кто я и как сюда попала три года назад. Целых три года, которые казались вечностью.

Первые три года в Арарге

Наверное, следует начать по порядку.

Меня зовут Иалей Шартан, родом я из Кевара – небольшого княжества, зажатого между горами и руслом Старвета. Среди нас много полукровок – потомков смешанных браков с альвами, которые некогда населяли леса по берегам Старвета, а потом неожиданно исчезли. Князь тоже из их числа. У него пепельно-русые волосы и пронзительные голубые глаза. Были когда-то, теперь от них не осталось и следа.

Во мне от далеких предков только оттенок кожи – молочно-белый – и рост выше среднего. По преданиям, альвы рождались высокими, намного выше предков кеварийцев. Теперь люди тоже стали такими, ну, почти такими.

Альвийская кровь, если она когда-то текла в жилах нашей семьи, давно затерялась среди крепкой купеческой породы. Поговаривали, будто прадед по отцовской линии сумел жениться на представительнице обедневшего дворянского рода. Она-то точно восходила к альвам. Прабабка, которая в качестве приданого принесла личное дворянство, гордилась пепельными волосами, но ее дети родились уже темными. Вот и у меня легкие каштановые кудри. Зато цвет глаз, как у прабабки – зеленый, кошачий. Отец шутил: если бы родилась рыжеволосой, отдал бы в обучение ведьме.

Разумеется, я и в мыслях не держала, что стану чьей-то служанкой, ведь родилась я в преуспевающей семье представителей второго сословия. Отец держал лавки в разных городах, торговля спорилась. К своим семнадцати годам я стала завидной невестой. Ко мне даже один дворянин сватался, симпатичный молодой человек. Может, и согласилась бы выйти за него: сердце все равно было не занято, а он казался таким милым.

Жили мы не в столице, а во втором по величине городе княжества – Тулоне. Имели собственный дом с прислугой: кухаркой, горничной и приходящей работницей. Раз в месяц она устраивала генеральную уборку: вытряхивала ковры, мыла полы, обтирала рамы и светильники.

Как обычно протекали мои дни? Буднично, монотонно.

Первая половина дня отведена занятиям – я заканчивала второй уровень местной сословной школы. Выйди замуж за того дворянина, лицом в грязь не ударила бы. Сейчас, оглядываясь в прошлое, прихожу к выводу: Иахим все-таки меня любил. Семья его не бедствовала, в моих деньгах не нуждалась. Помню, как впервые посмотрела на меня его мать, отвела Иахима в сторону и о чем-то долго с ним шепталась. Потом улыбнулась. Не знаю, искренне или нет: дворян с детства приучают к этикету, а он не приветствует проявления настоящих чувств.

Комфортно ли мне жилось бы в доме Иахима? Чего теперь гадать! Конечно, дворянский образ жизни отличался от купеческого. Серебряная посуда и огромный стол в столовой только чего стоят! Помню, всегда мучилась, стараясь держать спину прямо, боялась откинуться на спинку стула. Иахим посмеивался и заверял: совсем необязательно глотать жердь.

У жениха – мысленно называла его так, хотя помолвка не состоялась – не было титула, одно дворянское достоинство с приставкой ллор перед фамилией. Иахим ллор Касана. А я стала бы Иалей ллор Касана.

Итак, с утра школа. Там я пыталась совладать со столбиками цифр, уследить за мыслью господина учителя и не ударить лицом в грязь у доски, перечисляя отличия крапивы двудомной от крапивы жгучей. Девушка должна разбираться в травах, поэтому для нас проводила специальные уроки местная ведьма. Она старалась казаться такой важной, суровой, хотя от природы была жуткая хохотушка и обожала пить чай с миндальным печеньем в компании учителя математики. Мальчишки шептались, у них роман.

Училась я средне, особыми знаниями не блистала, хотя и не плелась в конце класса, и искренне радовалась, что положение отца не позволяло претендовать на третий уровень обу-

чения. Он только для детей дворян, чиновников и священнослужителей, представителей второго сословия к ним не допускали. Чтобы перейти на третий уровень, требовалось сдать специальные экзамены.

Разумеется, благородные ллоры не учились вместе с нами. Если и попадал кто в сословную школу, то исключительно от безденежья. К услугам дворян были пансионы, в которых преподавали лучшие учителя княжества. Вносишь залог, подтверждаешь происхождение – и ребенок зачислен на первый уровень. Если он учится хорошо, в дальнейшем плата взималась только при переходе на новый уровень. Если нет или чадо нарушало школьные правила, приходилось раскошелиться. Подобных пансионов было всего четыре на княжество. Дети родовитых ллоров обучались на дому по индивидуальной программе. Нередко приглашали учителей и к менее знатным дворянам. К примеру, Иахим получил домашнее образование, пройдя лишь курс военных наук при пансионе.

После обеда, когда заканчивались занятия, возвращалась домой и либо помогала матери, либо уходила к отцу в лавку. Он ставил меня за прилавок, чтобы цветущей молодостью привлекала покупателей и заодно совершенствовалась в нелюбимой математике. Отец считал, что я должна знать, как делаются дела. После его смерти торговля отойдет мне, а хозяйка обязана разбираться во всех мелочах. Я старалась. Мило улыбалась постоянным клиентам, болтала с ними о погоде, очередной прихоти бургомистра, просвещала, какой цвет моден в этом сезоне: мы торговали тканями. После передавала заказы приказчику. Он исправлял неточности в записях и производил окончательный расчет.

Вечер традиционно проводили в кругу семьи. Иногда ходили на представления, которые давали под открытым небом бродячие артисты.

Иахим время от времени приносил приглашения на музыкальные вечера в доме бургомистра, куда допускались только благородные. Одетая в лучшее платье, я чинно сидела между ним и его матерью. К сожалению, музыка не находила отклик в душе, хотя звучание некоторых инструментов мне нравилось. Почему же тогда с радостью принимала приглашения будущего жениха? Да потому, что хотела взглянуть, как живет первое сословие, и – стыдно, но что поделаешь – на таких вечерах подавали ягодное мороженое.

Размеренная жизнь закончилась одним ясным морозным зимним днем, когда, толкнув тяжелую дверь, я вошла в гудящий, словно пчелиный улей, класс. Учитель был бледен и не пытался призвать учеников к порядку. Дождавшись, когда соберутся все, он прокашлялся и с прискорбным видом сообщил: началась война. На Кевар напало могущественное королевство Арарг. Менее чем за сутки оно сломило сопротивление соседнего княжества, целиком вырезав всю армию, а теперь пришла наша очередь.

Учеников распустили по домам, посоветовав немедленно покинуть страну или, если нет такой возможности, забаррикадироваться в подвалах. Мы вышли толпой, растерянные, еще не в полной мере осознав весь ужас случившегося. Мальчишки строили планы организации партизанских отрядов и победоносного контрнаступления. Они верили: кеварийцы сметут с лица земли армию Арарга.

Прошло всего полчаса, и улицы оказались запружены народом. Я с трудом лавировала между повозками, наблюдая за тем, как люди в спешном порядке грузят скарб на подводы.

Вереница телег и экипажей выстроилась в длинную очередь, перекрыв выезды из города. Лавки закрылись. Дома пугали запертыми ставнями. В воздухе разлилась паника.

Мы тоже планировали уехать, отец приказал собирать вещи. Не успели.

Они появились внезапно – знаменитые смертоносные Наездники Арарга. Будто черная туча заволокла небо, лавиной обрушившись на головы мирных жителей. Драконы извергали пламя – и то там, то здесь занимались дома.

Истошно кричали женщины, плакали дети, мужчины в спешном порядке брались за оружие. Но что у нас было? Мечи? Арбалеты? Наездники же вооружены парой острых трехгран-

ных мечей, кинжалами для ближнего боя и узкими железными трубами, крепившимися к треугольным деревянным древкам. Позднее я узнала, что они называются ружьями.

Маленькие ядрышки, которыми стреляли Наездники, поражали цель с гораздо большего расстояния, нежели арбалеты. Араргские маги создали ружья, в которых пули рождались чуть ли не из воздуха. В специальный отсек засыпались мелкие шарики металла и расходовались по мере необходимости. Подобных запасов хватало на час упорного боя.

Несколько человек упали, пораженные пулями.

Стражники ответили дождем болтов, метя в самое уязвимое место драконов – живот и сочленение головы с шеей. Одного удалось подстрелить. Он упал неподалеку от городских ворот, придавив тушей в спешке брошенные подводы. Наездник мгновенно высвободил ноги из стремян и отбросил в сторону ружье: оно не приспособлено для пешего боя. Умело орудуя тонким мечом и кинжалом, он отбил несколько болтов, сделал выпад, пытаясь пробить строй окруживших его защитников города. Высокий, коренастый, с собранными в высокий хвост двухцветными – одновременно русыми и каштановыми – волосами, он разительно не походил на кеварийцев.

Чем все закончилось, не видела. Отец сумел утихомирить взбесившуюся лошадь, выпряг ее и, схватив нас с мамой в охапку, верхами понесся обратно к дому. Тот еще стоял, а вот соседняя улица пылала.

Несколько драконов промчались над головой, пришлось в ужасе пригнуться и молиться, чтобы нас не тронули.

Люди падали, косимые дождем с небес. Теперь я понимала, каким образом араргцы сумели так быстро завоевать Этайрон. До этого я лишь мельком слышала о королевстве Арарг – то немного, что читали по курсу краткой истории народов. Мальчикам, безусловно, рассказывали больше, чем девочкам. У них в программе стояли дополнительные занятия по военной истории и военному делу, нам же достались травология и домоводство. Но теперь вот познакомилась со страницами учебника воочию.

Арарг, притаившийся на островах Восточного архипелага, издревле наводил страх на соседей. С разной периодичностью он поглощал новые государства. Иногда затишье длилось двести лет, иногда десять – никто так и не научился предугадывать, когда королевство нанесет удар, и главное, где. В последние десятилетия набеги стали хаотичными, Наездники, пользуясь достижениями магии, появлялись там, где их никто не ждал.

Велев спрятаться в подвале, отец, игнорируя мольбы матери, отчаянно цеплявшейся за полы куртки, достал из тайника припасенный на случай опасности фальшион¹. Наспех поцеловав нас, растерянных, трясущихся от страха, папа захлопнул за собой входную дверь. Что с ним стало, не знаю. Может, убили, может, сбежал или попал в плен.

Мать пребывала не в том состоянии, чтобы рассуждать здраво, поэтому заботу о нашем спасении я взяла на себя: заперлась и задвинула тяжелый засов.

Мы забрались в самый дальний угол подвала, за мешки с картофелем, и, тесно прижавшись к другу, дрожа в кромешной тьме, молились, чтобы беда прошла стороной. Сквозь толстые стены долетал едва различимый гул. Может, это огонь гулял по стропилам дома.

Не знаю, сколько мы так просидели, наступила ли ночь, когда нас, задремавших, разбудил луч непривычно холодного света, метавшегося по полу подвала. С нарастающим ужасом следили за тем, как он приближается, тщательно обшаривая подвал, вслушивались в тяжелые шаги араргцев – сомнений не осталось, это они. И вот яркий свет ослепил нас – два комочка человеческих тел в углу.

Закрыла глаза, не желая видеть, как они нанесут удар.

¹ Фальшион – клинковое оружие с расширяющимся к концу коротким клинком с односторонней заточкой.

Мгновенье, другое. Острый стилет так и не вонзился в горло. Осмелев, открыла глаза и увидела трех облаченных в матовые облегченные доспехи мужчин. Один из них держал в руке шарик, излучавший тот самый голубовато-белый свет.

– Двое, – констатировал он, будто дожидался, пока я взгляну на него. – Женщина средних лет и молоденькая. Покажите сначала девушку.

Крайний справа солдат двинулся ко мне, грубо вырвал из объятий матери. Вцепилась ногтями в его руки, но не смогла разорвать толстой кожи перчаток.

Меня толкнули в полосу света перед человеком с шаром. Один солдат заломил руки за спину, пресекая попытки вырваться, другой не давал матери сдвинуться с места. Ему не нравились ее крики, и он заткнул ей рот кляпом.

– На вид недурна. Девушка не старше двадцати, без видимых физических недостатков. Глаза красивые.

Араргец подошел вплотную и, прежде чем я сообразила, что он делает, стащил с меня полушубок и потянул за шнуровку платья.

Стоять в одной нижней рубашке перед тремя незнакомыми мужчинами было унижительно, да и холодно: температура в подвале ненамного отличалась от температуры на улице. Стуча зубами, покорно наблюдала за тем, как араргец внимательно осматривает и ощупывает фигуру, хорошо, что через ткань. Наконец он вынес вердикт:

– Подходит для торхи. Решение предварительное, ее должен осмотреть врач и кто-нибудь из продавцов.

Да и характера мы не знаем, запишу пока как хыру. Можете забирать. Одевайся, – сухо бросил араргец.

Оставив лихорадочно натягивать платье под присмотром солдата, он подошел к матери. Ограничившись беглым осмотром, даже не раздев, араргец записал ее в хыры.

Когда нас поволокли к лестнице, наконец-то поняла, что происходит. Меня собирались сделать рабыней или продать в бордель. Ни то, ни другое не устраивало, и я изо всех сил ударила конвоира коленом в пах. Араргец согнулся пополам, частя меня такими словами, что и повторять не хочется. «Кеварийская шляха», пожалуй, самое приличное.

Мать выплюнула кляп и истошно закричала:

– Иалей, спасайся! Беги к храму, под защитой бога они тебя не тронут!

Несчастливая наивная мама! Араргцы не испытывали страха перед чужими богами, как я потом убедилась, они прекрасно пили и ели в храмах, с интересом рассматривая мозаичные панно.

Невероятным усилием увернувшись от третьего араргца, в последний раз обернулась. Мелькнуло испуганное заплаканное лицо матери в мертвенном свете шара, свободно парившего над полом. Она пыталась задержать преследователей, но что могла женщина против троих здоровых вооруженных мужчин? Они легко сбили ее с ног, несколько раз ударили, и мама затихла. Не хотелось думать о том, что она умерла, хотя пусть бы так. Все лучше рабства.

Так быстро я не бегала никогда в жизни, никогда так стремительно не взбиралась по ступенькам, отбиваясь ногами от тянувшихся ко мне рук.

Пожар практически не затронул дом. Выгорела кровля и часть второго этажа, но перекрытия не обвалились. Жилище оказалось разграблено, отдано на поругание солдатам. С одним из них столкнулась на пороге. Свобода длилась ровно две минуты.

Клочок голубого неба над головой – и обветренное лицо вояки с утыканной шипами боевой косой. Сразу было видно – он не из Наездников, простой пехотинец.

– Ваша? – легко удерживая на весу, солдат продемонстрировал добычу подбежавшей троиче из подвала.

Не говоря ни слова, араргец, осматривавший нас с матерью, влепил мне пощечину, вытащил из поясной сумки веревку и с помощью второго солдата связал. Но серьезно расцарапать

лицо пехотинцу успела. Хорошо, ему, а не офицеру интендантской службы, а то бы закопали на первом перекрестке. В Арарге с этим строго: если хыр поднимет руку на аверда, его казнят. Тронешь норна – все то же самое, но гораздо мучительнее. Разумеется, если норн не смиловитесь и не убьет сам.

Меня забросили на плечо, как отрез ткани. Руки и ноги крепко связаны, во рту кляп. Весело насвистывая, солдат понес добычу в сторону школы, а офицер с подчиненными продолжали подомовой обход.

Снаружи все пылало. Под ногами хрустел пепел, в воздухе стоял запах гари. Закашлялась – тяжело стало дышать. На развалинах домов сидели драконы, зорко следя, чтобы никто не ушел от карающего меча Арарга. То здесь, то там валялись тела. При виде них к горлу подступал рвотный спазм. Мужчины, женщины, изредка дети. Обгоревшие, прошитые пулями, изрубленные холодным оружием. Они сопротивлялись и встретили смерть на улицах родного города, посреди почерневшего снега.

В бывших классах организовали сборный пункт пленных. Приглядевшись, удивилась: здесь были только женщины и дети. Очень много молоденьких девушек. Связаны оказались далеко не все, некоторые, сжавшись в комочек, тихо скулили в сторонке. Никого старше сорока, в основном мои погодки. Дети – подростки, почти одни мальчики. Ни одной девочки моложе пятнадцати не заметила, что наводило на определенные мысли. Они брали тех, кто вступил в детородный возраст или у кого он наступит максимум через год. Нас, несчастных от пятнадцати до двадцати, держали отдельно под усиленной охраной – как особо ценный товар.

С улицы доносился невнятный гул, слышался задорный посвист Наездников, крики, обрывавшиеся на высокой ноте, ругательства, шипение и треск, но выглянуть наружу и посмотреть, что там творится, мы не могли.

Прибывали все новые и новые партии пленных. Их сортировали и разводили по бывшим классам.

Меня развязали, но обрадовалась я рано: ноги стянули кожаным шнуром, будто лошади. Гневно сверкнула глазами, но промолчала. Уставилась в пол и просидела так до вечера. Думала о матери, об отце. Собственная судьба меньше всего волновала.

Когда окончательно стемнело, нас покормили и велели ложиться спать. Разбудили на рассвете, построили в шеренги и начали заносить в списки. На каждого заполнялся опросный лист с указанием имени, происхождения, пола, возраста, перенесенных болезней, внешности и особых примет. Потом присваивался номер, соответствующий номеру листа. Он выводился смесью угля и хны на лопатках, так, чтобы не смыло дождем и пленницы не могли сами стереть. Разумеется, мы пытались избавиться от ненавистных меток, но араргцы бдительно пресекали взаимопомощь.

После унижительной процедуры нам выдали теплую одежду. Одного взгляда на нее хватило, чтобы понять: некогда эти вещи носили покойные тулонцы. Я категорически отказалась надевать куций полушубок с чужого плеча. В очередной раз спасибо богам, не плюнула, хотя очень хотелось. И перехотелось, когда при мне в кровь разбили лицо мальчишке. За что? Посмел дерзить, дал волю кулакам. Солдат молча отвесил ему тумака, подхватил за шиворот и уволок прочь.

– Ну, желающие еще есть? – Дежурный капрал обвел притихших пленников презрительным взглядом. – Хыров хватает, от части можем прямо здесь избавиться. Запомните, – повысил голос и для убедительности хлестнул плетью по воздуху, – отныне покорность – ваше единственное право.

Шубу таки надела. Она оказалась старой, но теплой. Значит, нас везут на север. Куда, и так понятно.

Уткнувшись в рукав, вспомнила дом, лицо матери, отца. Всхлип вырвался из горла и затих, стоило капралу посмотреть в мою сторону. Я его боялась.

Построив попарно, девушек вывели во двор. Туда пригнали зарешеченные повозки странной конструкции: по потолку и бортам шли толстые доски с кольцами. Оказалось, к ним привязывали пленников.

Одна девушка попыталась сбежать. Отвернувшись и вжала голову в плечи, чтобы не смотреть. В ушах стоял резкий, неприятный свист бича.

Некуда бежать, повсюду враги. Лучше выждать и постараться уйти по дороге. Нас слишком много, за всеми не уследишь, да и мир не без добрых людей.

Мне повезло. Я стояла у края, не пришлось терпеть мучения, причиняемые затекшими, поднятыми над головой руками.

На козлы сели солдаты. Оба с кожей, отливающей медью, темноволосые с необычными светлыми прядками: у одного на макушке, у другого за ухом. Еще двое примостились на облучке. Щелкнул кнут, и мулы потянули повозку в сторону ворот. Со слезами смотрела на то, что осталось от города, на то, что было мне дорого.

Не все тела успели убраться, и они темнели то справа, то слева, замерев в самых причудливых позах. Жадно пили подогретую магией воду из разбитого фонтана драконы с яркими алыми гребнями. Весело переговаривались Наездники, сытые, довольные, смывшие кровь, гарь и копоть. Нервно косились на драконов холеные лошади с мохнатыми бабками, высокие, с блестящими миндалевидными глазами. Их выгуливали солдаты в серо-зеленом обмундировании.

А вот еще одна изюминка араргской армии – спесивые волшебники. На каждый батальон полагалось по одному магу, я видела четверых – значит, в город вошло минимум два полка. Почему решила, будто передо мной волшебники? По подвеске-октаэдру, выпущенной поверх теплой меховой куртки. Может, сословная школа и не блистала преподаванием, но об этом знаке нам рассказывали.

Один из магов лениво направился к нам.

Прикосновение к перстню на левой руке, неприметные движения пальцев – и пространство с легким щелчком исказилось, поглотив повозку. Мы – тридцать девчонок – завизжали, в ужасе закрыв глаза. Еще бы, никто до этого не видел активизации портала.

Чуть сдавило голову, как от легкой мигрени.

Первое ощущение – невидимые острые иглы, вонзающиеся в лицо, свежесть и легкий запах... тины? Тогда я еще не знала: это морской бриз. Да что там, я и о существовании моря не подозревала. Нет, оно есть, но на страницах книг. А тут вот он, ветер, студеной, свободный и неукротимый. Осторожно открыла глаза и ахнула. Много воды, очень много воды. Как же красиво и как необычно!

Повозка, поскрипывая, взбиралась на холм. Ветер вымел весь снег, оголив камни и кусты вереска. Больше на холме ничего не было: не видно ни лачужки. Нетронутый дикий край. Кричи – никто не услышит. Только неласковый ветер, низкое хмурое небо и море, которое будто бы вторило суше. Свинцовое, бескрайнее, суровое, прекрасное и пугающее. Оно лизало основание гряды, отделенное тонкой полоской песчаного берега. На таком бы сушить рыбацьи сети, конопатить лодки, но ничего.

Море сковала тонкая корочка льда, но у берега темнели обширные полыньи. На горизонте виднелись неясные очертания островов, медленно ползли бусинки кораблей. Араргцы – единственные мореходы, которым хватало смелости выходить зимой в море. Еще бы, на службе у них маги и ученые, регулярно снабжающие изобретениями! Чтобы корабль не затерло льдами, к носу либо привязывали дракона, заодно использовавшегося в качестве вооружения, либо вешали специальный огненный артефакт.

Дорога кольцами змеи обвивала холм. Мы взбирались все выше и выше. Повозка покачивалась, грозясь скинуться в бездну. Девочки притихли, некоторые, самые маленькие, всхлипы-

вали, а я старалась запомнить неспешно меняющийся пейзаж: лелеяла мысль о побеге. Наконец подъем закончился, но ощущение тоски никуда не делось. Пустынно и голо.

– Добро пожаловать на остров Хорс, девочки! – обернулся солдат. – Ротики не разеваем и не скулим, скоро приедем.

Куда приедем, на горизонте нет ни намека на поселение?

Откуда оно выросло, я так и не поняла. Повозки с пленницами – мы двигались все вместе, облучок к оглобле, – обогнули очередную каменную гряду, защищавшую от ледяных порывов ветра, и оказались у ворот крепости. Отчего ее возвели не на гряде, не на том холме над морем, а здесь, на равнине? Объяснение нашлось позднее. Араргцы выстроили вовсе не пограничный форт, поэтому не стремились к господству над территорией. Крепость опоясывал земляной вал, за ним высились известняковые стены без единой бойницы. И везде солдаты, вооруженные арбалетами. У тех, кто охранял ворота, были ружья.

Повозки остановились. Возница первой, нашей, соскочил с козел и предъявил человеку в серой форме с синей косой полосой на груди какую-то бумагу.

– А, новая партия! – лениво протянул тот, бегло просмотрев лист. – Завози!

Заскрипели ворота. Мы миновали земляной вал, а затем и стены крепости. Остановились на круглом дворе, по периметру обнесенном решеткой. Тут нас сгрузили на плотно утрамбованную землю. Повозки отогнали.

Сгрудившись, словно овцы, пленницы жались друг к другу, гадая, что же с ними сделают.

Прошло, наверное, полчаса, когда отворилась неприметная дверь, и во двор вышла группка торговцев под охраной двух десятков людей. Скептически хмуря брови, они рассматривали нас, а потом велели солдатам разделить девушек на партии по пять человек. Мальчиков, которых держали отдельно, и женщин старше двадцати пяти увели, связав общей веревкой.

Девушек бесстыдно рассматривали, щупали, комментировали внешность. Кого-то сразу отбраковывали в хыры – так называли рабов, – кого-то отводили для детального осмотра во внутренние помещения форта.

Двор полнился стенаниями, временами звучали слова проклятий. Те, кто отчаянно сопротивлялись, царапали руки торговцев, немедленно становились хырами. Заработав пощечину или крепкое словцо, девушка получала в «подарок» ошейник с железным кольцом и металлические браслеты с такими же кольцами на руки и ноги. Их надевали прямо во дворе. Холщовый балахон на шнуровке и набедренную повязку – больше хырам не разрешалось носить ничего даже в стужу – выдавали позже, очевидно, после гигиенических процедур. Если девушка умудрялась причинить более-менее серьезный вред араргцу, ее волокли к специальной скамье, привязывали и на глазах у всех порол.

Для некоторых пленниц тяжелая жизнь хыры начиналась сразу после отбора. Видела, как конвойные надругались над несчастной, прижав к стене. Им просто захотелось. Для Арарга это нормально: у хыры не надо спрашивать согласия, она принадлежит любому аверду, то есть свободному человеку. Абсолютно бесправное существо, любая провинность которого строго каралась. Хуже вещи. А уж сейчас... Мы военнопленные, собственность армии, то есть вдвойне бесправны. Тех, кого продадут, солдаты не тронут.

Справедливости ради – среди любого народа встречаются скоты. Не все насиловали, избивали, издевались. Видела, как один солдат даже по-своему утешал девочку: мол, лучше смерти. Кому как.

Я оказалась в последней партии. Шла, не чувствуя ног от страха. Вдруг меня тоже отволокут к стене и раздвинут коленом ноги?

Встала там, где велели. Чужой опыт заставил молчать и не двигаться.

От группы торговцев отделился невысокий щуплый человек в кожаной куртке на меху. Подошел вплотную, взял за подбородок, осмотрел глаза и зубы, будто породистой лошади, затем, велел охраннику держать руки, потрогал грудь. Судя по ухмылке, остался доволен.

– Раздеть до рубашки, – скомандовал он.

Естественно, приказ тут же выполнили. Теперь меня, практически голую, придирчиво щупали трое, о чем-то переговариваясь между собой на незнакомом наречии.

Стояла, мужественно сжав зубы, и ждала окончания унижения. Чтобы успокоиться, считала. Пальцы торговцев казались червяками, от этих прикосновений хотелось отмыться.

Арагец в кожаной куртке развернул меня спиной, узнал номер и попросил принести опросный лист.

– Семнадцать, – радостно улыбнулся он, – самое то! Если она здорова и невинна, из нее выйдет великолепная торха, я бы сказал – элитная торха. После врачебного осмотра согласен заплатить казне двести цейхов.

Видимо, остальные торговцы посчитали цену завышенной и спорить не стали.

Шагая внутрь казарменных помещений, в которых содержался живой товар, молилась, чтобы меня не сделали хырой. Только бы торхой! Еще тогда я инстинктивно чувствовала: участь торхи не столь печальна, как беспросветное существование хыр.

Солдат втолкнул в комнатку без окон. Из мебели: стул, стол, ширма, а за ней – простое ложе, покрытое простыней. За столом сидел человек и что-то писал в толстой амбарной книге.

– Еще одна? – лениво бросил он через плечо. – Иди за ширму и раздевайся.

Раздевайся? Куда дальше: на мне только нижняя рубашка, белье и чулки.

Оторвавшись от записей, арагец вопросительно посмотрел на меня.

– Ну, чего стоишь? Не стесняйся, я врач, женские прелести меня не интересуют. Или позвать солдат, что бы они тебя держали?

Судорожно сглотнув, отправилась за ширму. Взялась за подол рубашки, но снять не решилась.

– Давай, не задерживай меня. – Врач взял перчатки из непонятного желто-белого материала, плотно облегающего руки, и шкатулку с инструментами. – Ладно, – смягчился он, войдя в положение трясущейся от страха девчонки, – сначала просто сядь и покажи горло.

Врач внимательно осмотрел его, а также нос, глаза, кожу, сосчитал пульс, спросил, чем болела в детстве. Затем, так и не дождавшись, пока я разденусь сама, снял рубашку и пощупал живот. Удовлетворенно кивнув, врач вернулся к столу, сделал отметки на обороте опросного листа и в амбарной книге.

Обрадовавшись концу унижений, собралась одеться, но арагец остановил:

– Подожди, самого главного мы еще не видели. Белье снимай. Сначала верх.

Щеки покрылись пунцовыми пятнами. От смущения перехватило дыхание.

– Никогда к врачу не ходила? – удивился арагец. – Для тебя я не мужчина, хватит краснеть!

Дрожащими руками распустила ленту и сняла бюстье.

Врач вслух обозначил форму груди, записал данные в оба документа, а потом тщательно осмотрел, надавливая и пощипывая, поинтересовался, не находила ли я каких-либо уплотнений. Ответила отрицательно.

– Прекрасно! Судя по всему, ты здорова. Теперь снимай трусики и ложись на спину.

Видимо, я пришла в такой ужас, что достучалась до зачерствевшего на работе арагца.

– Успокойся, никто тебя насиловать не собирается. – Он погладил меня по голове и сам, легонько ударив по рукам, избавил от спорного предмета одежды. – А теперь будь умницей и дай мне взглянуть. Расслабься, это не больно.

Умницей мне пришлось стать поневоле. Разумеется, я не собиралась раздвигать ноги перед первым встречным.

– Девственница. – Он выпрямился и снял перчатки. – Не так уж и страшно, а? Ладно, одевайся, сейчас отдам карточку. В хыры тебя точно не отправят, можешь радоваться.

Мне было все равно. Жалкая, зареванная, лежала на простыне, судорожно сжимая согнутые в коленях ноги. Мерзко!

К счастью, испытания на сегодня закончились. Меня накормили, позволили вымыться и снабдили чистой одеждой – серым платьем с разрезами на бедрах. Под него надевалась тонкая нижняя юбка; нижняя рубашка не полагалась. Лиф платья держался на шнуровке. Бюстье оставили прежнее, зато выдали две пары чистых трусиков. Вот и все «приданое» торхи.

Утомленная дорогой и пережитыми событиями, я быстро заснула на общей кровати с двумя другими девушками.

Пробуждение вышло не из приятных. Какой-то араргец в поношенной одежде тряс меня за плечи и что-то кричал на местном наречии. Видимо, он был из крестьян и никогда не покидал пределов Арарга, не общался с представителями других народов, иначе бы говорил на сойтлэ. Для некоторых, например, нашего княжества, сойтлэ – родной язык, как для остальных народов долины Старвея. Для других стран, например, Арарга, – приобретенный.

Сойтлэ произошел от альвийского диалекта. Дети Светлого леса, Первородные, как их еще называют, играли важную роль в жизни людей. По сути, именно альвы подарили им культуру, научили врачеванию, оружейному делу. Язык прижился. Постепенно сойтлэ вытеснял все остальные диалекты, даже здесь, на Восточном архипелаге. Правда, местные наречия в королевстве Арарг не вымерли, перейдя в разряд языка «для своих». Очень удобно: стоишь, неспешно беседуешь перед носом чужестранца, а он не понимает ни слова.

Араргский диалект неоднороден, делится по социальному и географическому принципу. Мне нравился миосский диалект, на котором говорили норны: более плавный, с минимумом шипящих звуков и множеством долгих гласных. За время проживания в Арарге я научилась понимать его и даже сносно говорить. Но, разумеется, в те времена я не знала ни слова по-араргски, да и о происхождении сойтлэ имела самое смутное представление.

Кто этот человек, что ему нужно? Оказалось, я должна встать, умыться и выйти во внутренний двор. Там, зябко подергивая плечами под дешевыми шерстяными накидками – увы, прежнюю одежду забрали, – сгрудились остальные приобретения торговца в кожаной куртке. Сам он появился минут через пять, пересчитал пленниц, критически осмотрел и велел связать веревкой в одну цепочку. Так, словно стадо, нас вывели за пределы крепости. Сбежать не представлялось возможным. Во-первых, нас охраняли слуги торговца. Они строго следили за тем, чтобы девушки не нарушали строй. Провинившаяся получала толчок в спину рукоятью плети, если сбилась с шага, и несильный, чтобы не осталось следов, удар плетью за попытку заговорить с товарками или отклониться с невидимой прямой линии. Во-вторых, нашу цепочку замыкала охрана – пятеро мускулистых мужчин со зверскими рожами. В-третьих, пугал крепостной гарнизон. Не хотелось получить пулю или болт.

На голом пространстве между каменными стенами и земляным валом живой товар поджидала странного вида повозка – огромный ящик с дверцей. Проще говоря, клетка. Нас развязали и по очереди втокнули внутрь. Лязгнул засов, и пленницы оказались в крошечной темноте. Сидя на полу, всем телом ощущая неровности дороги, мы гадали, сколько часов провели в пути. Время от времени возок останавливался, чтобы дать возможность под присмотром охранника сходить по нужде. Не всем вместе, по очереди. На ногу наматывалась бечевка, конец оставался в руках сопровождающего. Насвистывая, он неторопливо шагал к ближайшим кустикам, подталкивал девушку и, спасибо на этом, отворачивался, оставляя бечевку натянутой до предела. Трижды в день нас кормили, обильно, но очень просто: каша, хлеб, курица, овощи, похлебка. Вилки, разумеется, не давали, приходилось довольствоваться ложкой или есть руками. Спали в том же возке, тогда как надсмотрщики нежились в постели. По гомону голосов мы догадывались, что повозка периодически останавливалась на постоянных дворах, где простаивала либо до окончания трапезы араргцев, либо до утра. Только так, да еще по походам «в кусты», определяли, какое сейчас время суток.

Я снова увидела солнце примерно через неделю, когда партию «чужеземных рабынь деала Себра» выгрузили во дворе большого дома, судя по всему, находившегося на окраине крупного города. Вернее, даже не дома, а целого комплекса построек наподобие городской усадьбы. Место, где деал – так величали торговцев – Себр выставял товар «лицом».

Свет больно резанул глаза, облегчая задачу конвоирам. Девушек по очереди взваливали на плечи, как мешки, и несли к крытой теплой купальне, где, игнорируя протесты, раздевали и загоняли в воду, бросив туда мочалки и мыло. Расхаживавшая по бортику мужеподобная женщина крикливо требовала, чтобы мы немедленно смыли дорожную грязь, «ибо негоже оскорблять покупателей прикосновениями к вонючим телам». Упоминание о касаниях вызвало волну панического ужаса в животе. Воображение услужливо рисовало в голове страшные сцены – одна омерзительнее другой.

Когда вода в купальне потемнела, нам разрешили вылезти на дощатый пол и вытереться одинаковыми серыми полотенцами.

Белье и одежда бесследно исчезли, вместо них лежали подобранные по размеру черные трусики, которые больше открывали, чем скрывали, полупрозрачные белые туники без рукавов до середины бедра, застегивавшиеся на плече, и легкие сандалии. Выдали также странные приспособления, напоминавшие открытый каркас верха бюстье, которые ворчливая женщина велела надеть всем, у кого висела грудь.

В новом наряде ощущала себя голой. Зато деал Себр остался доволен товаром и велел отвести девушек в просмотровый зал. Им оказалось большое светлое помещение с невысоким, покрытым ковром, помостом и чем-то вроде крохотной купели. По периметру зала стояли кресла и столики с выпивкой и закусками. Нам полагались высокие, самой простой конструкции табуреты, напоминавшие насесты. Сесть разрешили, как угодно. Я предпочла выбрать позу, при которой ни грудь, ни трусики предательски не просвечивали через легкую ткань, то есть сгорбилась, упершись ступнями в перекладину табурета, прижала колени к животу, а руки скрестила на груди. Низко опустила голову, спрятав лицо за волной влажных волос.

Прозвучала мелодичная трель, и зал наполнился голосами. Я не смотрела на вошедших. Хотелось взять и умереть, раз уж сбежать не удалось, лишь бы избежать позора.

Торговец, купивший нас в распределительном лагере интендантской службы – так официально именовался форт, в который пленников доставили из Кевара, – заливался соловьем, в красках расписывая прелести кеварийских девушек, особо подчеркивая наличие в нас крови альвов. Ему задавали различные вопросы, в основном интересовались местностью, где нас захватили, происхождением, здоровьем, почему-то составом семьи.

Потом все пришло в движение: покупатели поднялись со своих мест, осматривая товар, то есть нас, тщательно изучали карточки. Сквозь пелену волос видела, как некоторых девушек выводили на помост, задирали туники, что-то рассматривали, потом брезгливо споласкивая руки в купели. Расторопные служители окунали туда же мягкие тряпочки и протирали места на теле рабынь, которых касались потенциальные хозяева.

– Так, а тут у нас что? – Вздрогнула, услышав над ухом мужской голос. – Посмотрим: из княжества Кевар, семнадцать лет, нетронутая... Продается, как торха. Личико покажи!

Я не спешила выполнять просьбу, за меня это сделал расторопный слуга торговца.

Напротив стоял высокий, выше отца на целую голову, крепкого телосложения араргец с собранными в высокий хвост черно-палевыми волосами. Примерно до половины длины они были черными, дальше начиналась рыжина. Ткань камзола отливала синевой полночного неба. Невольно залюбовалась, пытаюсь понять, из чего же он сшит.

– Симпатичная, – цокнул языком араргец. – Цвет кожи хороший. Грудь какого размера?

– Покажи норну грудь! – скомандовал прислужник Себра.

Разумеется, ничего показывать я не собиралась, более того, впервые решилась на бунт: оттолкнула руки слуги, пытавшегося задрать тунику. Потом до него дошло: проще расстегнуть пряжку на плече, но руки остановили падение ткани. Что бы они ни думали, я не породистая кобыла, а человек!

– Подходит. Дам четыреста цейхов. – Норн выдернул ткань из рук, но увидеть желаемое все равно не сумел: успела прикрыть грудь.

В ту минуту я ненавидела его, ненавидела шикавшего на меня слугу, да и самого Себра. Пожалуй, попади в руки нож, попыталась бы убить кого-нибудь из них.

– С норовом! – скривился араргец и, наклонившись, бессовестно потянулся к трусикам. Подобного стерпеть не смогла и ударила его коленом. На мое счастье, промахнулась. И, как ни парадоксально звучит, на удачу ударила.

– Ах ты, сучка! – Норн выхватил плетъ и замахнулся, но ударить помешал слугитель – он не мог допустить порчи товара.

– Не беспокойтесь, господин норн, мы ее накажем, строго накажем, – подобострастно проговорил он, поднял с пола и швырнул мне в лицо одежду.

– В хыры ее, кеварийскую дрянъ, чтобы знала, кого ударить хотела! – продолжал бушевать араргец.

Пока норн – так в Арарге именовали представителей привилегированной дворянской элиты – и прислужник Себра выясняли, как со мной надлежит поступить, успела одеться. Если меня и поволокут куда-то, хоть не голую.

– Только для вас, господин норн, всего за двадцать цейхов. – Слуга поклонился и расплылся в подобострастной улыбке. – Сейчас я схожу за господином деалом и оформим сделку. Сама виновата, дура! – буркнул он мне.

Уже поняла, жизнь предстояла безрадостная и очень короткая. Красавчик с палевым хвостом убьет сразу за порогом.

– Что ты там присмотрел, Шоанез? – К нам подошел еще один мужчина. Тоже высокий, неженородный, но в то же время изящный, не спутаешь с обычным солдатом. Блондин с черными кончиками волос и янтарными глазами. – Новую торху? Зачем тебе еще одна, троих мало? Правда, с таким бурным темпераментом торхи у тебя долго не живут.

Он рассмеялся и мельком взглянул на меня.

– Да какую торху? Эта дрянъ у меня на конюшне навоз выгребать будет! – отмахнулся норн.

– Почему? – Теперь янтарноглазый норн пристально смотрел мне в лицо, но не с угрозой, а с любопытством. – Что ты сделала, Зеленоглазка?

– Спасала свою честь, – гордо ответила я. Раз дни все равно сочтены, чего уж бояться?

– Ну да, не отвел на помост, решил здесь посмотреть, чтобы без подвоха, – оправдывался Шоанез. – А она мне коленом... Вообще-то, я тебе в подарок хотел купить, ты же любишь таких.

– Люблю, – кивнул второй норн. – Она красивая, особенно глаза. Насколько щедрым вышел подарочек?

– Хотел четыреста дать, но стерва столько не стоит. Я еще одну шатенку приметил, пойдем, посмотрим. За этой я слугу пришлю. Ошейник пока на нее нацепите, – бросил Шоанез помощнику торговца, увлекая друга прочь.

Но норн не торопился уходить и удержал ретивого араргца, уже скручивавшего мне руки веревкой. Подойдя вплотную, янтарноглазый коснулся кончиками пальцев щеки, приподнял подбородок, заставляя смотреть на себя. Глаза у него были умные, спокойные и теплые. Словно загипнотизированная, не могла отвести от них взгляда. У всех норнов восхитительные глаза, даже у Шоанеза, который невзлюбил меня после того злополучного инцидента. Другое дело, что вся красота пропадает, когда они наполняются гневом.

– Какая же она хыра, Шоанез, неужели тебе не жаль такую красавицу?

Не заметила, как его рука прошла по изгибам тела, ни разу не проникнув под ткань.

– Мне не нужна стерва в доме. Пошли, Сашер, посмотрим тебе подарок.

– Сколько? – проигнорировав недовольную мину друга, поинтересовался норн.

– Как за торху? – Слуга Себра посветлел лицом, заулыбался, толкнул в бок: мол, тоже улыбнись, дура! Обрадовался, что придется продавать товар не в убыток.

– Разумеется. Напомни, сколько ты давал, Шоанез?

– Четыреста. Нет, Сашер, что ты нашел в этой?.. – Араргец окатил меня волной презрения.

– Кажется, день рождения у меня, и подарок выбираю тоже я. – В голосе янтарногоглазого прорезался металл. – Девушка мне нравится, и я готов заплатить четыреста пятьдесят цейхов.

Шоанез махнул рукой, буркнул: «Как знаешь, но я предупреждал!» – и отошел в сторону, чтобы прицениться к полураздетой блондинке, которая отчаянно пыталась прикрыть наготу волосами. Видимо, цена его устроила, и араргец присоединился к еще двум норнам, пристально рассматривающим каждый уголок юного тела. Девушка еще подросток, лет пятнадцать, не больше, зато голубоглазая блондинка. Как же это отвратительно!

– Господин норн будет смотреть?

Раз – и туника снова упала к ногам. На этот раз не успела ее подхватить: расторопный слуга заломил руки за спину, чтобы покупатель мог оценить товар по достоинству.

– Ей холодно, пусть оденется, – равнодушно бросил янтарногоглазый, лениво мазнув взглядом по груди. – Остальное рассмотрю дома. Зови господина, я покупаю. Через час заберу.

Вот так в моей жизни появился хозяин: виконт Сашер Ратмир альг Тиадей, коннетабль его величества короля Арарга.

На меня снова надели тунику, повязали на руку красную ленточку. Норн стоял рядом и со скучающим видом рассматривал прочих выставленных на продажу девушек. Совершенно не ожидала, что он обратится ко мне с вопросом:

– Образованная?

Болезненный толчок локтем под ребра заставил вздрогнуть и заморгать. Так спрашивали меня? А слуга имеет полное право ударить: формально я еще собственность деала Себра.

– Да, – искоса взглянула на затылок норна. Не обычная у него прическа: волосы на висках коротко острижены, на лбу и затылке чуть длиннее, а дальше растут свободно, как у девушки. Одна из прядей перехвачена прищепкой-заколкой с красными камушками и продета в декоративное кольцо-ушко.

Завиток, падающий на заколку, уже черный. Интересно, араргцы красят волосы, или они такие от природы: на две трети одного цвета, на треть – другого? У некоторых чередуются пряди разного цвета.

Потом-то я узнала, что по волосам можно определить происхождение человека: разноцветные пряди свидетельствовали о примеси благородной крови. – Мне оставалось полгода до окончания второго уровня сословной школы.

– Приятно слышать. Значит, не дура.

Норн потерял ко мне всякий интерес.

Подошел Себр, расплылся в приветственной улыбке, поклонился. Со стороны норна не последовало даже кивка. Видимо, между ним и торговцем лежала непреодолимая пропасть.

– Я так рад видеть вас снова, господин виконт, – заливался соловьем торговец. – Вы редко балуете своим вниманием, а еще реже покупаете.

– Может, потому, что товар некачественный, – нахмурился норн.

– Но ведь прошлая торха – на редкость хорошая девушка? – не унимался Себр.

– Ничего, но прожила недолго.

Слова насторожили. Вот тебе и первое впечатление! Значит, она умерла, и норну понадобилась новая игрушка.

– Сочувствую. Но, уверяю, когда я продавал вам девушку, она была полностью здорова. Вижу, – торговец предпочел сменить тему, – на этот раз вы выбрали зеленоглазую. Помощник сказал, вы дадите четыреста пятьдесят. Более чем щедро. Это такая честь для меня, такая честь...

– Хватит лебезить, Себр! – презрительно скривился виконт. – Я прекрасно знаю, что ты мошенник и плут. Держи деньги. – Норн достал кошелек и отсчитал сорок пять золотых монет с профилем горбоносого мужчины. Значит, каждая достоинством в десять цейхов. Таких монет у хозяина (отныне он не просто покупатель, а хозяин) осталось еще штук двадцать.

Себр вновь поклонился, отвернулся и украдкой пересчитал деньги.

– Вы захватили браслет, мой норн, или я велю надеть стандартный?

– Разумеется, нет. – Вопрос показался виконту глупым. – Я не рассчитывал купить торху. Не забудь проследить, чтобы имя указали правильно, а то знаю, каких магов вы нанимаете! Недоучек, готовых работать за дюжину в месяц. Да, мне нужна еще парочка хыров: одна для дома, другой в имение, на подсобную работу. Или у тебя только девчонки?

– Нет, отчего же. Я с радостью подберу для моего норна все, что он пожелает. Девочку посмазливее?

– Не уродину же! – рассмеялся араргец. – У меня хорошая прислуга, хочу сделать приятное.

– Помоложе, постарше?

– Не подростка. Были прецеденты. – Он недовольно поджал губы. – Подростки хрупкие, бесполезная трата денег. И детей обычно не вынашивают. Мальчик нужен постарше, внешность не волнует.

– Жаль! У меня припасен такой замечательный малец...

– Себр, – гневный взгляд, брошенный на деала, заставил того в страхе сжаться и низко опустить голову, – мальчиков для спальни предпочитает господин судья, а мне нужен работник.

Рассыпавшись в извинения, Себр пообещал в качестве компенсации за нечаянное оскорбление продать злополучного мальчика за символическую плату в полцейха и за свой счет доставить рабов к покупателю.

Меня увели в комнатку, где сидели женщина и пожилой мужчина-маг. Араргка указала на ширму, за которой лежало два комплекта черного белья, знакомое платье торхи и новая обувь.

– Сейчас надень простые верх и трусики, а когда хозяин захочет, смени на кружевные, – наставляла женщина, помогая переодеваться. – Носи их по праздничным дням и всякий раз, когда хозяин заранее предупредит о совместной ночи. Помни о покорности, никогда ему не отказывай. Запомни: для торхи нет большего счастья, чем согреть кровать хозяина. Он должен стать твоим единственным мужчиной, богом, если угодно.

– А торхи, они кто? Наложницы? – С облечением избавилась от «выставочного наряда» и потянулась к белью, добротному, удобному. Стеснения не испытывала: женщина милостиво отвернулась.

– Нет, девочка! – рассмеялась араргка. – Сложно объяснить: у других народов нет такого понятия. Торха – одновременно горничная и личная служанка норна, его неприкосновенная радость и, если захочет, мать его детей. Для хозяина – ты рабыня, для всех остальных – служанка. И вот еще что: запомни, никто не имеет права касаться тебя. Только хозяин. Закон охраняет чистоту торхи. И никто не может наказывать тебя или командовать тобой, кроме хозяина. Только с его дозволения. Исполни все приказы, постарайся первыми родами произвести на свет мальчика, похожего на отца – и, может, станешь авердой, то есть свободной женщиной.

– А торхи бывают только у норнов? – Во мне разыгралось любопытство.

– Разумеется. Лишь благородным дозволено содержать торх, остальные довольствуются нечистыми хырами. Переделась? – вернулась к насущному помощница. – Тогда пошли, господин маг нанесет на браслет имя хозяина.

Вздыхнув, засунула ноги в добротные зимние ботинки и вслед за женщиной подошла к пожилому мужчине. Тот попросил вытянуть левую руку и извлек из холщовой сумки простенький медный браслет. Раз – и он защелкнулся на запястье.

– Как зовут хозяина? – обратился маг к женщине.

– Господин коннетабль, виконт Сашер Ратмир алыг Тиадей.

Мужчина кивнул и дотронулся до браслета кончиком серебристого пера. Металл завибрировал, обдав руку холодом. Маг, словно на листе бумаги, выводил на гладкой поверхности буквы. Они вспыхивали огнем и гасли, оставляя после себя черненное тиснение. Надпись делали на двух языках: сойтлэ и араргском. Полное имя и фамилия хозяина вывели вязью: виконт Сашер Ратмир алыг Тиадей. Так мы и познакомились, потому что, разумеется, никто представлять торхе владельца не собирался.

– Без ошибок? Ну-ка, покажи! – Женщина ухватила меня за руку и внимательно изучила браслет. – Опять с завитушками! – недовольно фыркнула она. – Кому нужны твои художества?

– Мне, – отрезал маг. – Не нравится, делай сама. Что, не умеешь? Тогда не лезь.

Женщина промолчала, надув губы. Потом спохватилась, осмотрела меня с ног до головы, поправила шнуровку на платье и довольно цокнула языком. Бросив магу, чтобы присмотрел за мной, она куда-то вышла, как оказалось, за верхней одеждой – пуховым платком и овечьей дохой.

– Остальным в доме хозяина снабдят, может, от него что-то в подарок получишь. Хорошим торхам хозяева часто вещи дарят, нижнее белье в основном. Некоторые сережки и колечки получают, опять-таки беличью шубку, красивые туфельки или сапожки. Но тут уж все от тебя зависит. Теперь давай я тебя накрашу, а то приличным людям на глаза стыдно показывать.

Араргка слегка подвела мне глаза и нанесла на губы пахнущий медом бальзам.

– Ты за телом следи, как денежка появится, купи масло и втирай, – продолжала наставлять она.

Меня же волновали вовсе не советы. Деньги? Неужели я смогу что-то сама покупать? Хотела расспросить об этом женщину, но не успела. Открылась дверь, и на пороге возник хозяин в сопровождении двух вооруженных слуг. Янтарные глаза второй раз за сегодня произвели осмотр тела. Смущенно отвернулась, надеясь, что это не запрещено правилами.

– Браслет активировали? – Норн обращался к женщине.

Та замерла в полупоклоне.

– Мы подумали, раз браслет временный, не потребуется, мой норн.

– Хорошо, бежать она вроде не собирается. Как вела себя?

– Тихо, мой норн, торхами интересовалась. Любопытная девочка, спокойная.

– И как же зовут тихоню, чуть не выбившую зубы Шоанезу?

Не сразу поняла, что вопрос адресован мне, догадалась по затянувшемуся молчанию. Осторожно обернулась, подумав, поклонилась и пробормотала:

– Иалей.

– Разве я похож на зверя, чтобы дрожать от страха? – Он подошел вплотную.

От норна пахло морозом и чем-то сладким.

– Нет. А как мне вас называть?

Вопрос насущный, между прочим. Проведя в Арарге всего пару недель, поняла – неверное слово может стоить жизни.

Норн рассмеялся и взял за руку, рассматривая браслет. По знаку виконта один из слуг подал мне верхнюю одежду. Не выпуская руки, норн обнял, притянул к себе, так близко, что я ощущала тепло шершавой ткани мехового пальто.

– Я хозяин, Зеленоглазка, так и называй. А ты будешь Лей, если заслужишь, конечно. Но что-то подсказывает мне, ты станешь образцовой торхой.

Напряглась, когда он погладил ниже поясицы. Решила, хозяин начнет приставать прямо сейчас, но нет, отпустил.

Повязав платок и застегнув доху, послушно засеменила между слугами вслед за норном. Мы миновали двор, заполненный повозками, лошадьми и говорливым людом, и вышли за ворота. Их поспешно распахнул с троекратным низким поклоном слуга купца. Приглядевшись, я поняла: он не слуга вовсе, а раб. На шее темнел кожаный ошейник. Хотела остановиться, разглядеть получше, но люди виконта потянули прочь.

Ожидала увидеть очередную клетку на колесах для меня и великолепного жеребца для хозяина, но ошиблась. Четверо хыров, все, как один, брюнеты (видимо, их, как лошадей, подбирают по масти), держали под уздцы дракона. Чуть поодаль выгуливали еще двух. Судорожно сглотнув, обмерла от страха. Никто и ничто не заставит меня подойти к отливающему яшмой ящеру! Пусть этот дракон не походил на крылатых напарников Наездников: другое строение тела, форма морды и крыльев, – он казался не менее страшен.

– Зеленоглазка испугалась верхового дракона? – беззлобно рассмеялся норн и спохватился: – Ах, да, в Кеваре же нет драконов. Согласись, очень удобно и быстро преодолевать большие расстояния не верхом, не на корабле, а по воздуху. Нам с тобой предстоит попасть на главный остров архипелага.

Дорого, наверное, стоили верховые драконы. Как потом выяснилось, баснословно: за одного можно купить поместье. Неудивительно, что ими владели исключительно норны. Зато жили драконы долго и передавались по наследству от отца к сыну. У виконта Тиадее их было три. Самый ценный – его собственный, одновременно боевой товарищ (коннетабль – Наездник, хотя так же хорошо он сражался верхом на лошади), собеседник (драконы – очень мудрые существа, особенно разумные, к которым принадлежал хозяйский Раш), и средство передвижения.

При виде хозяина дракон выпустил крохотную струйку дыма и недовольно пробурчал:

– Наконец-то! За это время можно было сотню хыр купить и опробовать.

– Перестань, Раш! – фыркнул виконт, подошел к дракону и погладил того по горбинке носа.

Чудовище, словно кошка, прикрыло глаза и заурчало. Невероятно!

Открыла рот от удивления, на время забыв о страхе. Никогда бы не подумала, что драконы любят ласку.

Рабы посторонились, готовые выполнить приказания.

– Я сам, – отмахнулся хозяин. – Мне не нужен возница.

Хыры поклонились, но остались, где стояли.

– Иди сюда, погладь его, – поманил виконт.

Медленно поплелась к дракону. Сердце бешено колотилось в груди, ладони вспотели.

Раш приоткрыл один глаз – зелено-желтый с узким черным вертикальным зрачком, – чем окончательно вогнал душу в пятки.

– Красивая! – протянул дракон.

– Рад, что тебе тоже понравилась. Моя новая торха, – с гордостью отрекомендовал норн. – Ну, Зеленоглазка, гладь. Смотри: вот отсюда сюда.

С трепетом повторила движения хозяина. Температура тела дракона оказалась выше человеческой, жар приятно согревал пальцы. Но какво ездить на ящере летом? Тогда я еще не знала, что драконы подстраиваются под окружающую среду.

– Одобрил.

Недоуменно взглянула на хозяина, но тот не пожелал пояснить свою мысль, взял за руку и подвел к основанию драконьей шеи. Теперь я видела – на спине Раша закреплено нечто наподобие седла, только гораздо удобнее и функциональнее. В нем можно было не только сидеть, но и дремать, облокотившись о специальный валик, или читать, положив книгу на широкую переднюю луку. Стрелять тоже: за задней лукой крепилось ружье. Имелись даже специальные упоры для ведения прицельной стрельбы.

Дракон распластался на брюхе. Хыры проворно подхватили и затолкнули меня в седло. Следом забрался виконт и поймал подброшенные Рашем поводья.

– Тебя привязать или посидишь смирно? Может, предпочитаешь лежать сзади, как трофей?

Промолчала, одновременно с ужасом и любопытством наблюдая за тем, как дракон поднимается на лапы и разминает крылья.

– Так, сядь нормально, а то упадешь.

Проигнорировала его слова и вцепилась в луку седла. Норн покачал головой и встал. Не обращая внимания на телодвижения Раша, легко балансируя на широкой спине, он попытался поднять и усадить правильно. Вставать совсем не хотелось, особенно когда под ногами нет надежной опоры. Как только Наездники умудряются летать на драконах?

– Замерли оба! – прикрикнул виконт.

Раш выпустил из ноздрей облачко дыма, но промолчал, послушно изображая статую. Неужели боялся хозяина? Дракон – страшился человека?

– Если я хочу, чтобы ты встала, ты встанешь. – Норн ухватил за шкуру и рывком привел меня в вертикальное положение. – Привыкай.

Привыкай... Он сам смог бы? Захотелось высказать все ему в глаза, наплевав на последствия. Хватит унижений, я не вещь и не собираюсь ею становиться!

Вырвавшись, отступила к задней луке. Поспешность сыграла злую шутку: я споткнулась и с трудом удержала равновесие. А что, упаду, разобью лицо, стану безобразной, и норн от меня откажется.

Оценив расстояние до земли, решила спрыгнуть. Если сломаю руки-ноги, лечить не станут, сразу убьют. И никакого позора, никакого рабства, умру кеварийкой Иалей, а не живой игрушкой знатного ааргца. Да, именно так: попытаюсь бежать, а там – будь, что будет!

Подобрав юбки, замерла над покатым чешуйчатым боком, но хозяин тут же оказался рядом и насильно увлек на сиденье. В отличие от лошадиного, драконье седло двухместное. Сиденья разделяет кожаная перегородка, которую можно при необходимости убрать.

– Ноги сюда. – Виконт указал на выступ. – Не забудь закрепить ремни. И запомни, Зеленоглазка, сегодня первый и последний раз, когда я оставлю твой проступок без наказания. Серьезный проступок: ты ослушалась хозяина и пыталась бежать. Спишу на страх. Ничего, вскоре привыкнешь, успокоишься. Не хотелось бы причинять тебе боль. – Он погладил по щеке. – Высоты боишься?

– Не знаю, – честно призналась я и покорно откинулась на валик, уложив согнутые в коленях ноги так, как приказал норн.

Наклонившись, виконт щелкнул креплениями.

– Для твоей же безопасности, – пояснил хозяин. – Сзади, под оружейной полкой, одеяло, можешь взять. Руками за драконью шею не цепляйся, Раш этого не любит. С передней луки свисают кожаные петли. Правее. Да, эти. Вот за них и держись. Можно и за саму луку, но так, по-моему, неудобно.

Инструктаж закончился, и норн занял место рядом со мной. Закрепил ноги такими же защитными ремнями, намотал на руку поводья и крикнул:

– Можем взлетать.

– Что, уломал девочку? – пыхнул огнем дракон.

Виконт проигнорировал едкое замечание.

Антрацитовые крылья вновь раскрылись, обдав мощным потоком холодного воздуха. Раш выгнул шею и щелкнул хвостом, оставив на мерзлой земле неглубокую борозду. Крылья, как лопасти мельницы, хлопали все чаще, и наконец дракон оторвался от земли.

Резкий толчок выбил бы меня из седла, если бы не ремни.

Земля стремительно удалялась, таяла внизу. Вокруг было только небо: серое, негостеприимное.

Грохот крыльев за спиной сливался в гул водопада.

Смотреть вниз боялась, даже на несколько минут закрыла глаза.

Меня мотало из стороны в сторону. Холод щипал щеки, проникал сквозь одежду.

Оказалось, Раш и не думал взлетать по-настоящему, всего лишь нарезал круги над городом, поджидая остальных.

Костяшки пальцев побелели от напряжения: больше всего на свете боялась упасть. Мельком глянула на норна, встретила с его янтарными глазами и отвернулась.

Но вот поднялись с земли остальные драконы с четырьмя седоками на каждом. Хыры правили, упершись спиной в переднюю луку, в седлах вольготно устроились слуги, позади них примостились оставшиеся рабы. По сравнению с ними я путешествовала с максимальным комфортом, как равная.

Издав гортанный звук, от которого замерло сердце, Раш резко пошел вверх и влево. От страха выпустила петли и закрыла лицо руками.

Стало тяжело дышать, я замерзала. От свистящего ветра закладывало уши.

Крутой вираж – и я покачнулась, опасно накренившись в сторону пропасти. Если бы не крепления, разбилась.

Новое движение дракона – и тело свесилось с седла, перед глазами – все-таки я их открыла – пронеслись белые клочья облаков, сизое небо и далекая гладь замерзшего моря. Я судорожно цеплялась за воздух, истошно кричала, но ничего не могла поделать. Если крепления оборвутся или растянутся, конец! Но даже если выдержат, по лицу ударит драконье крыло.

– Я же сказал – держись! – Хозяин вытащил чуть ли не из бездны и обнял, пытаюсь успокоить.

Поводья брошены на луку, Раш предоставлен самому себе. Норн удерживал равновесие, меняя положение корпуса, подстраиваясь под движения дракона, а руками держал меня.

Раш выровнялся. Набор высоты закончился, теперь мы летели прямо, разрезая вату облаков.

– В первый раз страшно, да? – Виконт взъерошил мои волосы под сбившимся платком. – Ты зачем пальцы разжала? – с укором спросил он. – Хотела покончить жизнь самоубийством? Нет, Зеленоглазка, не позволю, ты мне живая нужна. А теперь либо сядешь, как положено, либо усажу тебя так, как считаю нужным.

Дрожа, попыталась выпрямиться, но тело упрямо заваливалось набок. Убедившись, что ничего путного не выйдет, хозяин приказал:

– Ложись и клади мне голову на колени, так точно не упадешь.

Устроиться на коленях мужчины?! За кого он меня принимает? «За торху», – услужливо напомнило сознание.

– Зеленоглазка, я жду, – нахмурился виконт. – Лей, кому сказал!

Пришлось смириться и лечь, уткнувшись лицом в переднюю луку. Выбор невелик: либо носом туда, либо в живот хозяина. Виконта, как всегда, мое решение не устроило:

– Перевернись, а то когда Раш зайдет на вираж, разобьешь нос.

Затылок, видимо, ему было не жалко.

Вздохнув, уткнулась в шершавое пальто, стараясь не думать, где и как я лежу. В приличном обществе мою позу сочли бы непристойной. А может, хозяин желал, чтобы я смутилась? Хорошо хоть пальто толстое.

– Какие у тебя очаровательные розовые ушки, Лей. – Под затылок подложил валик из одеяла, заставив прижаться еще теснее. – Вот так и лежи, заодно лицо не отморозишь, а то здесь холодно, намного холоднее, чем на земле. Можешь вздремнуть: нам лететь часа два.

Спать я вроде не хотела, но уснула. Возможно, убаюкало хлопанье крыльев и ледяной воздух. Говорят же, что холод действует на человека, как снотворное. Только закрыла глаза – а хозяин уже тряс за плечо.

– Просыпайся, посмотришь на главный остров Арарга. Второго шанса не будет.

Выпрямилась, стараясь не опираться о его колени, переборов страх, глянула вниз и ахнула от восхищения.

Главный остров Восточного архипелага, Неро, не походил на тот, куда нас выбросил маг. Во-первых, он не казался таким пустынным, во-вторых, был очень красив, даже зимой. Здесь не было ошетилившихся обрывистых горных хребтов, пересеченных узкими полосами дорог. Море плавно переходило в длинную полосу пляжа, острыми косами вдававшегося в замерзшую водную гладь. За ним шли рощи, укутанные пеленою снега. Вытащенные на берег рыбацкие лодки днищами вверх лежали в лабиринте сетей возле многочисленных деревушек. Дальше местность, испещренная ветвистым деревом дорог, повышалась.

То там, то здесь были разбросаны пятна лесов, искрились серебром зеркала озер и прудов, змеились русла рек. Одна из них очень широка, как Старвей. На ее берегах сгрудилось больше всего поселений.

Вот и первый город, размерами, наверное, не уступающий Тулону. Покатые яркие крыши, высокая колокольня храма – все так привычно.

А вот еще один дракон, летит наперерез нам. Чешуя блестит на солнце, неповоротливое на первый взгляд тело легко скользит по воздушным потокам.

Снова селения, городки на черно-белом одеяле из полей, лесов и рек. Все очень красивое.

Что там на горизонте? Горы? Оказалось, я ошиблась, приняла за скалы очертания замка. Я подобных никогда и не видела, немудрено, что перепутала с горами – такой же неприступный, с настоящим рвом. Обшитая железом крыша слепила глаза. Заметив мое неподдельное восхищение, хозяин улыбнулся и приказал Рашу спланировать вниз. Дракон со свистом пронесся между квадратными башнями, напугав часовых, а потом снова взмыл в небо, держась на расстоянии выстрела от крепостного флагштока.

Чем дальше, тем больше драконов и замков встречалось. Казалось, строители не оставили без внимания ни один более-менее широкий пригорок или водную петлю. Попадались совершенно изумительные экземпляры, парившие над зеркалами озер.

– Куда же направиться? – задумался норн, натянув поводья. Раш послушно замер. – В имение или в городской дом? В городе я бываю чаще, с другой стороны, в имении тебя легче контролировать и учить. Наверное, лучше в имение. У меня все равно отпуск, смогу позаниматься. Да не вздрагивай так, – успокоил виконт, заметив мое волнение, – будешь вести себя хорошо, больно не сделаю. Я не планирую над тобой издеваться. Когда освоишься, заберу в город. Хотя, – он усмехнулся, – я тебя в любом случае заберу. Отныне ты всегда будешь жить со мной. Только в военные походы торх не берут, они в целости и сохранности ждут возвращения хозяев дома.

Правом выбора меня не наделили, оставалось молча слушать и любоваться природой.

Пробужденный от дремы движениями поводьев дракон свернул на северо-восток, одновременно набирая высоту. Вскоре мы снова оказались в гуще облаков. Намертво вцепившись в кожаные петли, то открывая, то закрывая глаза, отчаянно борясь со страхом и тошнотой, я

мельком подумала, что хозяин намеренно лишил возможности и дальше обозревать окрестности. Вдруг смогу сориентироваться на местности, определяю, где находится имение, и сбегу?

Наконец мы начали снижаться. Лес, поля, змейка реки с застывшей до весны мельницей, крупная деревушка на перекрестье дорог... Тень Раша скользила над трактом, заставляя жителей поднимать головы и снимать головные уборы.

Я ожидала увидеть имение: господский дом с хозяйственными постройками, прудом и небольшим парком, но за изгибом реки возник замок, хранивший следы множества перестроек. Наружные стены – суровые и высокие, они явно были возведены в давние времена, когда использовались по прямому назначению, для защиты от врагов. За ними виднелись серые крыши строений и собственно сам замок – четырехэтажный, прямоугольный и вытянутый, с пятью башнями. Четыре, пониже, по углам. Еще одна, самая высокая, с реющим на ветру флагом, – на западном торце. Сложенная из серо-бежевого известняка, массивная цитадель светлым пятном выделялась на фоне внешних укреплений. Как мне потом объяснили, камень со временем темнеет, значит, господский дом – самая новая постройка замка.

Раш сделал круг над стенами и спланировал во двор, прямо к высокому крыльцу. За ним приземлились другие драконы. Хыры соскочили на землю первыми и ухватили ящеров под уздцы. К ним на помощь поспешили слуги: удержать разгоряченного полетом дракона тяжело.

Норн щелкнул пальцами, и один из хыров подставил спину. Расстегнув крепления, хозяин нагнулся ко мне и проделал те же манипуляции. Спрыгнув с седла на спину раба, он протянул руку.

Почему Раш не мог лечь на брюхо, зачем подвергать унижению человека, используя его вместо лестницы?

– Давай, Зеленоглазка, тут невысоко, – поторопил норн.

– Я лучше сразу на землю.

Смерила расстояние от драконьего загривка до вожденной твердой поверхности – минимум два человеческих роста.

– Лей, не дури! – нахмурился хозяин. – Не хочу, чтобы ты что-нибудь сломала. Если боишься прыгать, так и скажи.

Так и не дождавшись ответа, виконт шлепнул дракона по чешуе. Тот аккуратно нагнулся к самой земле, так, чтобы норн мог дотянуться до моих ног. Ухватив за икры, хозяин дернул к себе. Я, естественно, потеряла равновесие и оказалась в его объятиях. Бережно опустив меня на спину раба, норн спрыгнул на землю и, обняв за талию, завершил долгий путь к заснеженному двору. Не спеша убирать руку, норн отдал пару хозяйственных распоряжений, а потом обернулся к замершей в почтительном поклоне женщине в строгом синем платье с кружевным пояском.

– Сара, займись Лей. Выкупай, расчеши, одень во что-то подобающее случаю и приведи к ужину.

– Это ваша новая торха, господин? – Женщина с интересом рассматривала меня.

– Именно так, Сара. Обустрой, расскажи немного об Арарге. Девочка из Кевара и совсем ничего не знает.

Сара кивнула и присела в легком поклоне. Значит, свободная женщина: рабыня бы согнулась пополам, а не расшаркивалась, как на балу. Ну да, нет ни браслетов, ни ошейников.

Норн подтолкнул к крыльцу, и я поднялась к женщине, оказавшейся экономкой замка. Та приветливо улыбнулась, обняла за плечи и потянулась было к дверной ручке, но тут, нахмурившись, поспешно обернулась к виконту:

– Простите, господин, браслет уже активирован?

– Нет, на ней стандартный. Найди мой. Кажется, он в замке. Надень и попроси провести процедуру. Мигель ведь здесь?

– Да, господин, вчера вернулся. Не беспокойтесь, мы все сделаем.

Отворилась тяжелая дверь из мореного дуба.

«Интересно, – подумалось мне тогда, – кто такой Мигель, и куда они поставят драконов?»

Потолки оказались столь высоки, что в холле без труда мог бы расправить крылья дракон. Мощные столбы поддерживали укрепленные дугами ребер своды, окна на втором ярусе отбрасывали на пол квадраты света.

Здрав голову, с любопытством разглядывала герб, помещенный на самом видном месте: меч и драконья голова на лазурном поле.

– На первом этаже – парадные покои, – неопределенно махнула рукой Сара, бросила укоризненный взгляд на примостившихся на полу хыр, и те с удвоенной силой принялись намыывать плиты. – Показывать не стану, потом сама взглянешь.

– А разве мне можно свободно передвигаться по замку? – удивилась я.

Я полагала, меня запрут и больше никуда не выпустят.

– Разумеется, но в пределах разумного. Ты не хыра, тебе можно заходить в любые покои, кроме кабинета хозяина и гостевых комнат. Не думай, – улыбнулась она, – твое предназначение не сводится к постели, еще и работать будешь. Горничной. Всю черную работу делают хыры, руки не испортишь, но и бездельничать не придется. Утром я раздаю задания прислуге, и на твою долю найдется. Ты с хозяином поласковее, – Сара понизила голос, – тогда в деревню ходить сможешь, а то и в городок ездить вместе с девочками. В четырех стенах сидеть – с ума сойдешь! А так хоть развлечение какое, передышка. Ты слушай меня, плохого не посоветую. Если что, плакаться тоже ко мне приходи, у меня ведь бабушка – торха. Словом, несладко придется, но что делать – терпи! И заранее прости, если ударить придется. Как экономка, имею право: не станет норн рук марать из-за разбитого горшка, а наказать положено. Но лучше я, слегка и поясом, чем виконт сгоряча и плетью. Сама понимаешь, какой силы удар у мужчины, сызмальства привыкшего держать в руках оружие.

За разговорами подошли к каменной лестнице. Теперь я в полной мере оценила высоту потолков первого этажа и подивилась, зачем было строить такие гигантские, не соразмерные человеческому росту помещения.

Холл оказался двухуровневым: по периметру его огибала обходная галерея, именно на нее и выходили окна. Не позволив ее рассмотреть, Сара увлекла меня дальше, вверх по ступеням.

– На втором этаже господские покои, а еще первый ярус библиотеки. Там же столовая, гостиная, фехтовальный зал – много всего! В основном придется работать именно на втором этаже, со временем освоишься. А сейчас нам к господину Мигелю. Его комната на третьем этаже – он для гостей, ну и я там живу. – Скромно потупилась Сара. – Компанию нам с господином Мигелем составляет управляющий и начальник гарнизона, только он предпочитает у своей пассии ночевать. Наши комнаты в западном крыле, рядом с винтовой лестницей. Тут вообще лестниц много, мы с тобой по парадной поднимаемся, она только до третьего этажа доходит. На четвертый, для прислуги, можно попасть лишь по черным, винтовым. Я тебя в башне поселю, есть там одна подходящая комнатка.

– А почему вы на третьем этаже живете, если прислуга на четвертом? – решила спросить я, с трудом взбираясь на очередную ступеньку.

– Потому что я не прислуга, – ничуть не обиделась провожатая. – За столом тоже вместе с господином сию. Налево и до конца, – скомандовала она, указав нужное направление.

Осторожно ступая по коврам, скрадывавшим шаги, миновала ряд шикарно обставленных проходных комнат с потолками гораздо выше, нежели привычные три метра. Кое-где трудились служанки в форменных синих платьях: вытирали пыль, полировали мебель, выводили пятна с полов.

Сара свернула в коридор, потом в еще один и еще. У меня начало рябить в глазах от дверей и гобеленов в простенках. Казалось, путь никогда не окончится, и нам суждено вечно

скитаться по замку, но нет, судьба смилостивилась, открыв резные двери в библиотеку. Вернее, ее второй ярус.

– Мигель, вы здесь? – придерживая за плечо, окрикнула экономка.

– Здесь, Сара, здесь, где же мне еще быть? – проворчал человек за заваленным книгами столом. Маг – опять тот же знак октаэдра.

– У себя, отдыхать после долгой дороги.

– Лучший отдых – чтение. Что там у вас?

– Да вот господин просил браслет активировать. Он ведь у вас?

– У меня, я ж его снимал, информацию стирал. Сейчас принесу. Значит, виконт завел новую торху? – Меня опять подвергли критическому осмотру. – Его право! Симпатичную выбрал, и опять шатенку. Виконту шатенки нравятся, – подмигнул мне маг, – а ты еще и зеленоглазая – загляденье! Родись я норном, сам бы купил, только, боюсь, не по карману. Сколько за тебя дали?

– Четыреста пятьдесят.

– Солидно! Ладно, постой тут, на книжки посмотри, я за браслетом схожу.

Странно, маг – а снизошел до разговора с торхой. Они же такие надутые, гордые... Или маги тоже разные бывают? Потом выяснилось, гордости и спеси в Мигеле – хоть отбавляй. Нравился он, наверное, только Саре, которая умела найти общий язык со всеми. Взаимны ли были чувства, не знаю, но с кем-то из обитателей третьего этажа экономка спала: приходя менять белье, я частенько заставляла ее кровать неразобранной. Она женщина нестарая, симпатичная, незамужняя.

Мигель вернулся с пузатым серебряным браслетом. На нем была знакомая надпись – полное имя хозяина. Передав браслет Саре, маг взял меня за руку и заменил стандартный браслет новым. Что-то подкорректировал несколькими пассажами, и браслет слился с кожей, не снимешь. Мигель невозмутимо извлек нож, потянул к столу и заставил положить на него руку.

– Сара, подержите, чтобы не дергалась.

Завизжала, когда нож кольнул палец.

Не давая пошевелиться, Мигель измазал кровью матовую бронзовую пластинку, смочил жидкостью из маленького флакончика, и она засияла. Маг нанес пару капель на браслет, прочитал заклинание, от которого жаром обдало руку, и протянул платок:

– Держи, кровь остановишь. Сара, браслет я активировал, сейчас вставлю пластину в хранилище.

Тогда я не понимала смысла активации – он сводился к варварскому ритуалу, – но потом, на примере других, уяснила его суть. Активированный браслет позволял отслеживать передвижения торхи. Они отображались на той самой пластинке. Сама видела, как в руках чужого мага она выдавала не только точные координаты, но и изображение местности. Очень удобно при поимке сбежавшей игрушки.

Прижимая платок к пальцу, все еще ощущая жар от браслета, поплелась за Сарой на четвертый этаж, в ту самую комнатку в башне. Она оказалась небольшой и темной, без единого окна. Обстановка была скромная: кровать, стул, стол, комод для одежды, закуток для ежедневного омовения и отхожее место.

Позвонив в колокольчик, экономка вызвала двух хыр и велела наполнить водой деревянную бадью, занимавшую больше половины туалетной комнаты за потертой ширмой.

– Раздевайся, – кивнула она мне. – Сейчас принесут новую одежду, масло для тела и какие-нибудь духи.

Удивленно взглянула на нее. Духи? Разве торхе полагаются духи? И чем плох мой наряд? Насколько я поняла, такой носили все личные рабыни.

– Одежду повесь на ширму, кто-нибудь постирает. У тебя каждый день должна быть свежая. Белье тоже сними. Тебе ведь дали кружевное? – Кивнула. – На день. Хотя, – Сара

улыбнулась, – я могу принести нечто иное. Оно такое красивое, ажурное. Размер вроде твой, в этом вы с Ивонной похожи. Господин не любит, когда грудь у женщины висит, как уши собаки. Грудь, конечно, маловата, но ты еще растешь, да и кое-какие изменения поспособствуют... Словом, через полгода у тебя будет полноценный третий – самый раз для женщины.

Покраснела и твердо решила не надевать другого белья. Я не игрушка, а живой человек!

Мой дух противоречия продержался ровно до возвращения Сары с целой толпой хыр. Четверо несли чан с кипятком, трое – ведра с холодной водой, еще одна – полотенце и открытые туфли на тонком каблучке. Замыкала шествие экономка с большим свертком в руках.

– Как, ты еще не разделась? – всплеснула руками она, бросив сверток на кровать. – Ужин через сорок минут, а нам нужно столько всего сделать! Немедленно раздевайся! Эй, вы, – крикнула она на хыр, – помогите девушке, смешайте воду и капните розового масла. Тщательно вымойте ее. Везде.

Пыталась сопротивляться, но шестнадцать рук, несомненно, могли гораздо больше, нежели мои две.

Наконец водные процедуры закончились. Меня натерли ароматным маслом и облачили в тончайшие паутинки кружев, которые Сара почему-то именовала бельем. Да, они оказались удобными, да, прикрывали гораздо больше, чем то, что было на мне в просмотровом зале, но приличная девушка такое не наденет. Тем более красное белье под белое платье. Оно воздушное, полностью скрывает ноги и руки, со скромным вырезом, отороченным тесьмой. Платье приятно холодило кожу, ниспадая мягкими складками.

Волосы тщательно высушили, расчесали и скрепили несколькими заколками с бесцветными камушками.

Побрызгав на меня духами с едва уловимым цветочным ароматом, экономка отошла, чтобы полюбоваться работой.

– По-моему, хороша! – кивнула Сара. – Теперь можно вести. Об Арарге расскажу позже, сейчас времени нет. Надеюсь, ты в курсе, что хозяину нельзя перечить? Поверь, он хороший, больно не сделает, если только не спровоцируешь. И вообще, – она подмигнула мне, – от первого вечера и первой ночи зависит, какие между вами установятся отношения. Ты у нас из какого сословия?

– Из второго.

Осмотрела себя в небольшом зеркальце – невинная непорочная дева, будто жрица!

– Тогда учить пользоваться столовыми приборами не нужно. Пошли, хыры все уберут, принесут разные мелочи, которые могут понадобиться.

Мы опять спустились на второй этаж.

Высокие каблукы поневоле делали шаги плавными и дробными, а зауженное в бедрах платье корректировало походку.

Стол в необъятной, по моим меркам, столовой, накрыли для двоих. Удивилась: неужели мне позволяют есть вместе с хозяином, но быстро поняла, что ошиблась. Второе место заняла Сара, мне же предложили скамеечку рядом с норном, будто комнатной собачке. Хозяин махнул рукой, хлопнув по бедру, и экономка подтолкнула меня к нему.

Забегали слуги, расставляя приборы, раскладывая кушанья, разливая напитки.

Хозяин пригубил вино и протянул бокал мне. Я наотрез отказалась пить, но виконт проявил настойчивость, поневоле пришлось открыть рот и сделать глоток.

– Перебирайся ко мне на колени, Зеленоглазка, так удобнее. Ты ведь голодна?

Отрицательно замотала головой. Даже умирай я от голода, все равно не согласилась бы. Я не уличная девка, у меня есть чувство собственного достоинства.

Отрезав ножом кусок мяса, норн насадил его на вилку и скормил мне. Весь ужин прошел в несложных манипуляциях: виконт ел и пил сам, а потом кормил с рук. Когда дело дошло до десерта, стало противно. Каково это – собирать губами виноград с чьей-то ладони? Пробовала

отказаться – норн насильно запихивал ягоды в рот. В конце хозяин попросил принести еще один бокал, доверху наполнил его рубиновой жидкостью и протянул мне.

– За твою долгую жизнь, Лей!

Я выпила половину и аккуратно отставила фужер на стол.

– Лучше выпей до дна, так будет легче.

Нет, я не желала опьянеть, не хотела стать жалкой и беспомощной, хватит того, что мир перед глазами слегка потерял четкость.

– Сара, проводи ее. – Экономка быстро промокнула губы салфеткой и встала. – Загни оиз.

– Не беспокойтесь, господин, все уже сделано, – заверила Сара. – Ванна тоже готова, если вы захотите ей воспользоваться.

– Прекрасно! Думаю, теплая вода в самый раз. Или ты не любишь воду, Лей? Думай пока. Приду через четверть часа, только переговорю с управляющим. Сара, займи ее, чтобы не скучала и не волновалась.

Стоило экономке отворить дверь, как все сомнения насчет продолжения вечера развеялись. Меня втокнули в спальню, центральное место в которой занимала кровать под малиновым балдахином, настолько широкая, что на ней без труда могла бы спать вся наша семья.

Уютно потрескивал дровами камин, отбрасывая тени на пушистый ковер. На кресло небрежно брошен халат. Один из ящиков гардероба приоткрыт, оттуда выглядывал накрахмаленный рукав рубашки.

– Садись на кровать и жди. – Сара затеплила странную композицию из двух розоватых кристаллов и курильницы.

Терпкий аромат разлился по комнате, волнами тепла расходясь по телу.

– Расслабься и ни о чем не думай, – наставляла экономка, заглянув на минутку в отделанную камнем коричневатых тонов ванную – не сравнить с моим закутком. – В первый раз больно, не обращай внимания. Если станет совсем плохо, скажи, не терпи, врача позовут. Ты только не пугайся, со всеми одинаково, что по любви, что не по любви. Потом, может, тебе понравится.

Стараясь отвлечь меня от мыслей о предстоящем, Сара завела разговор об Арарге. Узнала, что стою на второй ступеньке местной иерархии и даже могу командовать хырами.

Разговор оборвался на полуслове. Отворилась дверь, и экономка, вежливо попрощавшись, удалилась, оставив меня наедине с хозяином. В отчаянье метнулась к окну. Да, пусть высоко, пусть разобьюсь, но хотя бы избегу унижения. С трудом отдернула тяжелые портьеры, забралась на широкий подоконник, потянулась к шпингалету. Окна двойные, не успею!

Медленно угасал день. Последние всполохи солнца рдели на западе, стремительно теснимые тьмой.

– Далеко собралась? – Руки хозяина обхватили поперек талии и опустили на пол. Виконт стоял так близко, что я ощущала дыхание на коже. – Тут высоко, Зеленоглазка, лучше не прыгать.

– Послушайте, я не вещь! Если полагаете, будто сможете безнаказанно насиловать, то ошибаетесь! – извернувшись, вырвалась, ища глазами какой-нибудь тяжелый предмет.

– Разве Сара не объяснила тебе, кто ты есть? – удивился виконт. Странно, он не рассердился, стоял и не двигался, с интересом следя, что же сделаю. – Нет, не вещь, но моя собственность, и я могу поступать, как мне вздумается, более того, наказывать за малейший проступок. Так, на всякий случай, – хозяин улыбнулся и расстегнул воротник камзола, – нападение на норна карается чрезвычайно сурово, вплоть до смертной казни.

– А может, я хочу умереть? – с вызовом спросила у нахала.

Увы, ничего тяжелого не нашла, а дверь виконт запер. Предусмотрительно!

– Зачем? Думаешь, все будет так плохо?

Промолчала, гадая, запрещено ли торхе накладывать на себя руки. С радостью воспользовалась бы такой возможностью, вот только ножа нет. К окну меня не подпустят, повеситься не успею, утопиться без посторонней помощи в ванной сложно. Что еще остается, не головой же о мебель биться!

Норн внимательно наблюдал за моими хаотичными передвижениями, потом снял камзол и убрал в гардероб.

– Ступай в ванную. Я кое-что достану и приду.

Разумеется, никуда не пошла, забилась в самый дальний угол.

Хозяин вздохнул и на время оставил меня в покое. Проверил кристаллы на столе, подошел к шкафчику в опасной близости от меня, извлек оттуда стеклянную бутылочку и отнес в ванную. Вернувшись, остановился напротив.

– Пойдем, Зеленоглазка! Понимаю, страшно, девушкам всегда страшно.

Норн коснулся пальцами волос, очертил абрис лица, остановившись на губах. Янтарные глаза потемнели, и они мне не нравились: зрачки расширились от желания. Как поняла? Такой взгляд ни с чем не спутаешь, даже если сама подобного чувства никогда не испытывала.

Одну руку хозяин положил на шею, другой гладил спину, спускаясь все ниже. Попыталась пресечь его прикосновения, но пальцы норна упрямо раз за разом возвращались на прежние позиции. Он прижимал меня все крепче и крепче. Теперь обе руки с легким нажимом скользили по бедрам, задирая подол платья.

Губы коснулись шеи, заставив вздрогнуть.

– Зеленоглазка, вода остынет, – хрипло напомнил хозяин и провел языком за ухом. – Какая же ты сладкая! – выдохнул он, с трудом оторвавшись.

– Я не хочу! – отчаянно заерзала, извиваясь ужом.

Страх дрожью разошелся по позвоночнику. Мнилось, норн не выдержит, прижмет к стене и возьмет стоя – такими темными стали его глаза. Он без всякого стыда стиснул нижние полукружия и прижался непозволительно тесно.

– Ладно, так и быть, понежишься в теплой водичке одна. В нее влили специальный успокоительный состав.

Норн отпустил, но я и не думала двигаться с места, глядя на него со смесью страха и негодования.

– Хорошо, – вздохнул хозяин, – тебя ведь вымыли? – Кивнула. – Тогда просто ополосни нужные места. Такое ароматное масло пропадает, Лей, в Кеваретакого нет, – искушал он, не сводя взгляда с губ. – Дорогое, стоит почти столько же, сколько и ты. Неужели не хочешь даже понюхать?

Воспользовавшись минутной потерей бдительности, норн попытался поцеловать в губы. Пытаясь увернуться, потеряла равновесие и очутилась во власти мучителя. Игры закончились, пути к отступлению оказались отрезаны.

Виконт перенес на кровать и начал с поцелуев, дразнящих, то легких, то требовательных. Он покрыл ими все открытые участки тела, а затем проник языком в рот. Как же противно! И не выплюнешь, не отобьешься. Норн такой тяжелый, с каждой минутой дышит все чаще. Ванна благополучно остывала, а пальцы хозяина раздевали. Медленно, перемещаясь все выше, они оголяли кожу. Нетерпеливые губы тут же осваивали новые территории. Пыталась дать коленом в пах, но норн навалился, не позволил, будто издеваясь, провел языком по внутренней стороне бедра. Обмерла, испугавшись, что он прямо сейчас возьмет меня. Воспользовавшись моим замешательством, хозяин стянул платье и отбросил на пол. Я осталась в красном кружеве белья.

– Какая же ты сладенькая! – сипло повторил виконт и взялся губами за кружево, чтобы оголить сосок.

То же самое он продел со вторым, превратив раздевание в порочную игру.

Грудь тут же покрылась мурашками. Наплевав на аргарские правила, вернула белье на место. Я не шлюха, я не стану!

Хозяин обещающе улыбнулся и на время оставил в покое. Придерживая весом своего тела, он торопливо освободился от рубашки и снова приник ко мне. Губы требовательно терзали рот, руки стянули бюстье и накрыли грудь. Они гладили, мяли, пощипывали, потом и вовсе зачем-то начали перекачивать между пальцами соски. Наверное, подобное нравилось норну, только я испытывала лишь стойкое чувство омерзения. Разумеется, пыталась избавиться от бесстыжих прикосновений. В ответ хозяин прижал запястья к простыне и приник губами к груди. Они оказались куда требовательнее рук.

Теперь, проведя три года в Аргаре, понимала – моя первая ночь не походила на традиционное начало отношений между торхой и хозяином, скорее, на первую брачную ночь между супругами. Норн проявил терпение и перешел к следующей стадии, когда я немного успокоилась, перестала брыкаться и отпихивать его.

Язык, щекоча, прошелся по ложбинке между грудей, затем овладел соском. Пальцами одной руки хозяин массировал второй холмик, другой – стянул трусики. Когда пал последний кружевной оплот обороны, смирилась. Да, крепко сжимала бедра, но больше поделать ничего не могла. То, что он творил дальше, не позволила бы ни одна девушка, но я торха, а виконт – мой хозяин. Расслабиться, как советовала Сара, разумеется, не могла. Глядя в потолок, терпеливо ждала наступления самого страшного момента, но хозяин медлил, предпочитая изучать мое тело. Потом я вдруг перестала чувствовать его вес, удивленно взглянула на виконта и тут же зажмурилась. Он был абсолютно голый и стоял передо мной на коленях.

Норн рассмеялся.

– Все так страшно?

Предпочла промолчать, стремительно покрываясь пунцовым румянцем. Никогда прежде не видела обнаженного мужчину и, честно говоря, не горела желанием увидеть. А вот хозяин настаивал на более близком знакомстве, взял за руку и заставил дотронуться до мужского достоинства. Тут же отдернула пальцы, вызвав очередной приступ смеха.

– Лей, открой глаза, ты не маленькая девочка, тебе семнадцать. Или мама тебе вообще ничего не рассказы вала?

Мама... Мама, хочу к ней! Хотя бы знать, жива ли.

Хозяину все равно, ему плевать. Конечно, я же рабыня, игрушка, у меня нет чувств!

Свернулась комочком и заскулила, как ребенок. Ничего не могла с собой поделать: воспоминания о родных душили, разрывали сердце.

– Лей?

Похоже, норн так и не понял, что произошло. Объяснять я не собиралась.

Хозяин обнял, попытался успокоить. Потом снова уложил на спину и лег сверху. Он не двигался, терпеливо ждал, пока иссякнут слезы. Когда всхлипы стали реже, виконт завершил то, что начал. Согнул мне ноги в коленях и подложил подушку под поясницу.

– Разведи колени, как можно шире, – приказал он, приподнявшись на руках.

Мужское достоинство нависло надо мной, указывая туда, куда ему предстояло войти. В ужасе стиснула бедра, но виконт не собирался отступать и, сломив сопротивление несговорчивой торхи, начал новую главу в моей жизни.

Когда хозяин вторгся внутрь, вскрикнула от боли и дернулась, силясь вытолкнуть чужеродный предмет. Надо отдать должное виконту, он остановился, погладил, поцеловал и только потом продолжил, медленно, постепенно погружаясь все глубже и глубже. Пару раз войдя целиком, хозяин простонал: «Ты действительно сладкая, девочка!» Его бедра задвигались быстрее, естество вторгалось в плоть, не зная пощады. Покусывая губы, терпела – а что еще оставалось?

Наконец пытка закончилась. Хозяин издал странный гортанный звук, дернулся в последний раз и замер на мне. Внутри стало очень жарко. Тянувшая боль терзала между ног. Какие же мужчины скоты!

Блаженно вздохнув, виконт лег рядом, притянул к себе.

– Плачешь? Не надо, Зеленоглазка, ничего страшного не произошло, просто немного больно и неприятно. – Пальцы смахнули слезинку со щеки. – Привыкнешь. Сегодня поспишь со мной. Утром тебе приготовят ванну, переоденут. За то, что была хорошей девочкой, получишь бутылочку с маслом.

Руки снова гладили, ласкали, губы дразнили кожу. В итоге я снова ощутила на себе вес тела хозяина. Второй раз он действовал грубее, настойчивее. Виконту нравилось, он хотел меня, а я... Я свыклась со своей скорбной участью. К чему сопротивляться, какая разница, сколько раз он возьмет меня, девичьей чести не вернешь.

Через пару часов норн уgomонился, задремал, положив теплую ладонь мне на грудь. Я не спала. Молча плакала, боясь пошевелиться и разбудить хозяина. Хотелось немедленно смыть с себя грязь прошедшей ночи, а еще побаливал низ живота. Задремала я только под утро. Когда проснулась, обнаружила, что моего пробуждения дожидается целая толпа во главе с Сарой.

– Молодец! – приветливо улыбнулась она. – Господин встал в хорошем настроении, велел сделать тебе подарок. Значит, у вас все прошло удачно. Сегодня ты не работаешь, а завтра в половину восьмого утра приходи на кухню. А теперь вставай, пошли принимать ванну.

Вода немного успокоила, я даже понежилась в душистой пене. К счастью, меня оставили одну, хотя экономка настойчиво предлагала помощь служанок. Странно, полотенце, чистое белье, одежду и повседневную обувь на низком каблучке мне принесли не хыры, будто я госпожа, а не рабыня. Слуги норнов – обычные бедняки, свободные люди. Они делают легкую «чистую» работу, например, прибираются в комнатах. Вот отхожие места, мытье полов – удел хыр.

Не спеша вылезать из ванной, огляделась, рассматривая многочисленные полочки, умывальник, зеркало, бритвенные принадлежности. Богато живет арангский коннетабль! Красиво и светло, весь день бы здесь просидела, но нельзя. Вытерлась пушистым полотенцем, переоделась и вышла. За дверью ждала Сара.

– Пойдем, к доктору ходим.

– Зачем к доктору? – не поняла я.

– Надо. Нигде ничего не болит, кровь не течет?

– Ночью текла, – смутившись, призналась я и покосилась на пятно на простыне. Служанка как раз стаскивала ее с кровати.

– Это нормально, – заверила экономка.

– А можно не ходить к врачу? – с мольбой посмотрела ей в глаза.

Сара покачала головой.

– Господин велел. Видимо, – она улыбнулась, – он перестарался, боится последствий.

Мужественно выдержала осмотр и с облегчением вздохнула, когда врач авторитетно заявил: все в порядке. Когда лекарь вышел и мы с экономкой остались наедине, шепотом решилась задать животрепещущий вопрос:

– Сара, скажите, а как можно... Словом, чтобы детей не было.

И приготовилась выслушать отповедь на тему: «Родить от хозяина – большое счастье».

– Понимаю, не хочешь от нелюбимого. – Вопреки опасениям, экономка отреагировала спокойно. – Есть разные средства, у меня самой одно всегда про запас хранится, только господину не понравится, если ты чем-то подобным воспользуешься.

– Ему нужно тело, а не дети, – настаивала я, прекрасно понимая: не применю мер предосторожности, рожу. И так каждый год. – Пожалуйста, Сара, прошу вас! Сжальтесь надо мной, хотите, на колени встану? Хотя бы скажите, как приготовить средство.

Право слово, если потребуется, ноги расцелую! Не позволю превратить себя в самку, даже не в племенную кобылу! Жеребята последней нужны хозяину, виконта же интересует только ночное сопение.

– Стоит ли рисковать? – покачала головой экономка. – Зная господина, он по головке не погладит. Лучше научу кое-чему, чтобы виконт довольным остался. Хозяин разрешит ребятишек рожать, глядишь, вольную заработаешь. Вдруг дети понравятся? Да и, поверь, жить проще станет: меньше контроля, работы, больше свободы.

– Если узнаю, что беременна, руки на себя наложу! – мрачно пообещала я.

– Даже не думай! – ужаснулась Сара, прижав ладонь ко рту. – Только хозяин решает, можно ли торхе умереть и можно ли избавиться от его ребенка. Ладно, – смиростивилась она, – дам тебе бутылочку. Месяца на три хватит, пока привыкнешь, освоишься. А то, не приведи боги, и впрямь чего учудишь, а мне потом отвечать! Да и ребеночку какая польза, если мама с первого дня в утробе ненавидит. Только ты бутылочку спрячь, если найдут, плохо будет!

Запрыгала от радости и порывисто расцеловала Сару. Три месяца – достаточный срок, чтобы вывести какое-нибудь народное средство. Может, судьба и вовсе улыбнется, послав по делам к аптекарю. Скажу, что средство просила купить экономка. Или любовница хозяина, есть же у него любовница? Словом, сокру что-нибудь, главное из замка выбраться.

Выпила первые двадцать пять капель, разведенные в стакане воды, немного успокоилась, поставила бутылочку на стол. Прятать при Саре не хотела: вдруг выдаст? Поколебавшись, открыла сосуд с баснословно дорогим маслом. Дразнящий аромат ударил в нос, побуждая нанести средство на кожу.

– Дней пять оно тебе не понадобится, не трать понапрасну, – поджала губы экономка. – Белье тоже можешь обычное носить.

Значит, пять дней хозяин ко мне не прикоснется. Лучше бы вообще никогда!

* * *

Весь день бродила по замку, рассматривая высокие своды, цветные гобелены, и старалась не попадаться на глаза хозяину, управляющему, магу и начальнику гарнизона. Все эти господа обитали преимущественно на втором и третьем этажах, поэтому я начала странствия с недоступного им четвертого, а потом перебралась на первый. Большие комнаты пугали, зато в них так легко было спрятаться.

Увы, времени на созерцательный отдых почти не оставалось. За выходным днем последовала череда будней, наполненная работой. Я смахивала пыль в комнатах, убиралась, меняла белье и полотенца, ухаживала за цветами в зимнем саду. Если требовалось, прислуживала за столом, носила из подвала бутылки с вином, наполняла кувшины пивом, бегала за всякой снедью в кладовую. Приносила все, что просили: от книги на самой верхней полке до забытого хлыста. А еще, когда наступала моя очередь, кормила драконов. Не одна, разумеется, с кем-нибудь из слуг. К вечеру ноги частенько гудели от усталости и бесконечного беганья вверх-вниз по лестницам. Пару раз даже всерьез подумывала, чтобы заснуть на межэтажной площадке.

Особенно тяготила повинность принимать с хозяином ванну. Я наполняла ее водой, вливали несколько колпачков ароматного масла, клала на пол и на специальную полочку по чистому полотенцу, приносила халат и ждала. Когда появлялся норн, раздевалась, иногда раздевала его. После брала мочалку, душистое мыло и начинала мыть виконта. Разумеется, водные процедуры перетекали в попытки продолжения рода Тиадеев. Они начинались в ванной комнате и заканчивались на кровати. Хозяин – темпераментный мужчина, мне доставалось по полной. Если бы с помощью хитрости и манипуляций с рецептами не нашла общий язык с местным аптекарем, за три года, прошедшие с моей покупки, подарила бы хозяину минимум двоих ребятишек.

Сейчас, безусловно, легче. Со многим смирилась, привыкла, а тогда переживала все острее. Каждый день снилась прошлая жизнь: родной город, родители, несостоявшийся жених. Раз за разом возвращался кошмар, в котором в подвал врывались солдаты. С замирающим криком в ушах просыпалась в слезах. Где теперь моя мать, что с ней стало, осталась ли она жива, или арагцы убили ее? Иногда смотрела на лицо хозяина – и видела руины пылающего Тулона. Он ведь тоже Наездник, военный, точно так же убивает людей. В такие минуты я ненавидела виконта, хотела в кровь расцарапать лицо, но разум удерживал от безрассудства. Что я могу против него?

Пару раз спрашивала Сару, можно ли разыскать родных, существуют ли какие-то списки пленных, но она лишь сочувственно вздыхала.

Хотелось сбежать, но я не могла, вот и плакала по ночам в подушку. Сердце щемило от тоски. Иногда казалось: закрою глаза, открою снова, и все обернется сном. Я очнусь в своей кровати, услышу голос мамы, оденусь, побегу в школу.

Вечно заплаканные глаза беспокоили Сару. Она давала мне успокоительное, но оно не помогало. Шмыгая носом, тоскуя по дому, несколько раз испортила десерт и посадила пятно на книгу, после чего библиотекарь строго-настрого запретил появляться с платком в руках. За книгу мне влетело: она оказалась редкой.

Особенно мерзко становилось, когда приезжали гости. Они оценивающе смотрели на меня, интересовались происхождением, а потом небрежно бросали: «У меня тоже торха из кевариек, они хорошие девочки». И заводили разговор о рабынях, обсуждая их, словно лошадей. С таким безразличием упоминали о том, что велели прилюдно высечь хыру за выпитый без разрешения стакан молока, что сменяли одну девушку на другую, рассуждали на тему, стоит ли тратиться на дорогое лечение, придумывали изощренные наказания за малейшие провинности. Один такой разговор вышел мне боком. Сосед хозяина с особой циничностью, смакуя подробности, рассказывал о методах воспитания непокорных рабов. Потом вскользь посетовал, какой они хлипкий народ.

Когда речь зашла о глумлении над пятнадцатилетней девочкой, оказавшейся недостаточно красивой для торхи, не выдержала и с эмоциональным: «Сволочь!» плеснула в лицо нору вино.

– Как ты смеешь, безродная дрянь, потаскуха! – Мужчина подскочил, хотел ударить, но хозяин перехватил руку.

– Она моя, не забывай этого, – прошипел он.

Только тон виконта сулил угрозу и мне.

Увернуться не успела, жалобно взвизгнула, когда хозяин схватил за волосы и пригнул голову к столу. Я больно ударилась виском.

– Ты что себе позволяешь?!

Виконт встряхнул за плечи. Пощечина обожгла кожу. Ногтями вцепилась в его руку, пытаюсь высвободиться.

– Так и не поняла, что натворила? – Стало трудно дышать, когда хозяин сжал горло. Тут же присмирела, перестав вырываться. – То-то же! В моей власти убить или оставить в живых.

Хозяин отпустил. Судорожно глотая ртом воздух, сползла на пол. Мучения на этом не закончились. По приказу нorna слуги выволокли меня во двор к позорному столбу и подвесили за руки на специальных петлях.

Пот струйками катился по спине. Я слишком хорошо знала, что меня ждет. Степень наказания зависела от провинности: иногда пара ударов розгами, иногда часовое истязание кнутом и плетью. На моей памяти на хозяйском столбе никто не умер, но до полусмерти одного паренька заporоли. Он пытался бежать, украв деньги заснувшего прямо в конюшне конюха.

Конвоиры сочувственно поглядывали на меня.

– Ты погромче кричи, пожалобнее. Слезно прощения у господина проси, тогда меньше достанется, – посоветовал один из них.

Появился хозяин в сопровождении гостя. Последний остался наблюдать в стороне, а норн направился ко мне, поигрывая хлыстом.

Если бы сняли одежду, было бы еще больнее, но и этого хватило, чтобы усвоить урок: держи мысли при себе. Повезло, что норн бил не со всей силы и по разным местам.

Когда плеть впервые обожгла кожу, вскрикнула. Потом лишь судорожно вздрагивала всем телом. Слюна приобрела солоноватый привкус: я прокусила губу. Наверное, следовало разрыдаться, но глаза, как назло, оставались сухими.

Отсчитав семь ударов, хозяин решил – достаточно, и велел отвязать. Виконт обернулся к гостю:

– Вы довольны?

– А не ли мало кеварийской шлюхе за посягательство на честь благородного норна? – скривился тот. – Она оскорбила меня!

– Оскорбила и сейчас попросит прощения. На коленях. И поцелует ноги. Ну, Зеленоглазка, я жду, а то добавлю парочку ударов. – Норн притопнул сапогом. – Она еще молода, – оправдывался хозяин перед гостем, – прошлой зимой себе взял, не стоит наказывать слишком сурово.

Морщась от боли, раздиравшей спину и плечи, я под пристальным взглядом норна подошла к обиженной благородной сволочи, опустилась на колени прямо в грязь, и, пробормотав: «Мой норн, прошу простить неразумную тварь», поцеловала его сапоги. Не знаю, как гостя, а хозяина извинения устроили, и он разрешил уйти.

Проклятый норн, которого я облила вином, ослабил и пробормотал, чтобы слышала только я:

– То, что ты получила, подстилка, – только начало! Наемники умеют бить, не оставляя следов. Еще станешь умолять, чтобы тебя просто всем скопом отымели. Коннетабль, шлюшка, не всегда рядом будет.

Одарив его полным ненависти взглядом, промолчала и заковыляла к крыльцу. Кажется, я нажила второго врага. После такого обещания в деревню стало страшно одной ходить, да и не одной тоже. Он прав, можно подрядить наемников и остаться чистым перед законом. Те только рады развлечься.

В холле столкнулась с Сарой, которая без лишних слов вlepила мне затрепину и прошипела:

– На кухню, живо!

Кое-как отмывшись от крови и грязи, съезжилась у очага. Сердобольная хыра принесла балахон и забрала стирать одежду. Отправить ее в комнату за чистой я не решалась: не хотелось, чтобы женщине влетело из-за меня. Она выглядела лет на десять старше меня, тихая, задумчивая. На первый взгляд над ней никто не издевался: никаких порезов, ушибов, ссадин, только застарелый след от ожога. Хыра хорошо готовила, поэтому ее взяли помощницей кухарки. Шлепая босыми ногами по полу, подоткнув и без того короткий подол, она носила из колодца ведро с водой, заполняя лохань с грязными вещами. Кожа загорелая, на ногах и руках огрубевшая. Волосы косо острижены и собраны в хвостик обрывком бечевки. Хотелось расспросить ее о жизни, но мешало присутствие кухарки, под чьим чутким руководством две другие хыры мыли посуду, до блеска драили котлы, кастрюли и сковородки.

Раны напоминали о себе при малейшем движении. Содранная кожа на предплечье, раздраженная водой, саднила так, что на глазах выступили слезы. Я не стала их сдерживать и расплакалась, кляня судьбу.

Смотрела на языки пламени, пожиравшие поленья, и мечтала умереть. Это несложно: пойти, задвинуть заглушку дымохода, засунуть голову в печь и подождать. В замке столько

комнат, какая-нибудь да пустует, получаса мне хватит, может, даже меньше. И все кончится: унижение, стыд, боль.

На кухню вошла служанка, покосилась на меня – жалкое, наверное, зрелище, – и свысока протянула:

– Вот дура-то! Совсем сбрендил, на кого руку поднял?! До сих пор себя свободным человеком считаешь? Нет, вы только гляньте на нее: торха посмела вякнуть на нorna! Никто не слышал, сильно ли она верещала, когда полосовали? Я наверху убиралась, не видела. – Похоже, она искренне сожалела о том, что пропустила истязание.

Со служанками у меня сложились неоднозначные отношения. Одни сочувствовали, другие игнорировали, третьи общались только по делу, а некоторые, такие, как Снель, меня презирали.

– Так как, зеленоглазая, хорошо вокруг столба голым задом крутила?

Снель подошла и рывком задрала край балахона.

– Неужели так в постели хозяину нравишься, что он и не высек толком? – недовольно пробурчала она. – Раз сидишь, то и зад цел. Ну-ка покажи зад!

Я воспротивилась ее попытке стянуть нижнее белье, больно ударив по руке.

– Если я и вещь, Снель, то не твоя! – Злость осушила глаза, отогнала мысли о самоубийстве. – Еще раз прикоснешься – выцарапаю глаза.

– Ишь, какая смелая! – Служанка, тем не менее, предпочла отойти.

Догадываюсь, причина придинок Снель – ревность. Ей не нравилась моя близость с хозяином. С радостью уступила бы Снель место в постели виконта, только от меня ничего не зависело. А еще я уродилась красивее служанки, а она девушка завистливая. Вызывало глухую злобу и покровительство Сары. Та прощала мне мелкие оплошности, а с нее требовала по полной.

Налив себе вишневой настойки, Снель продолжала разглагольствовать на тему: «Каждый человек должен знать свое место». Неизвестно, сколько бы она заливалась, если бы на кухню не вошла экономка.

– Так, это что такое? – Недовольно сдвинула брови Сара, покосившись на опорожненную на треть бутылку. – Выпиваешь среди бела дня, когда в комнатах работы немерено? Метелку в зубы – и убираться на третьем этаже! А ты, – она ткнула в меня пальцем, – переоденься и к хозяину в кабинет. Живо!

Кое-как преодолев пять лестничных пролетов, заползла в свою комнатку, затеплила свечу (без нее в «каменном мешке» ничего не видно) и нацепила сменный наряд торхи. Мельком глянула на себя в кусочек зеркала, намертво закрепленный на стене. На виске красовался пунцовый синяк, губа кровоточила, пряди спутались и торчали в разные стороны – та еще красавица!

Путь на второй этаж занял больше времени, чем подъем в башню на четвертый: мне не хотелось туда идти. Сняла обувь на лестничной площадке, чтобы не испачкать навозом ковры. Мне бы и пришлось их оттирать. На цыпочках прошла через две проходные комнаты – курительную и ломберную – свернула налево и углубилась в личные покои виконта. Вот дверь его спальни, кабинет рядом. Постучавшись, приготовилась принять мученическую смерть. Даже наивная дурочка понимала: хозяин позвал не ради поручения.

– Входи! – Раздраженный тон развеял призрачные чаяния.

Потупившись, покорно сложила руки на животе и переступила порог. Опустилась на колени: все равно заставят. Глаза вперились в бордово-золотой ворс ковра, выхватив краешек растительного узора.

– Изображаешь покорность? – Хозяин подошел и ухватил за подбородок, заставив поднять голову. – Раскаяния не видно. Похоже, ты совсем не жалеешь о случившемся. Наказание вышло слишком мягким? Зеленоглазка, я задал вопрос! – прикрикнул он, сверкнув глазами.

Вздрыгнула и испуганно облизнула губы: норн сжимал плетью. Сейчас он избьет меня повторно, без свидетелей и с большей жестокостью.

– Отвечай, когда спрашиваю! – Норн больно запрокинул мне голову. – Ты хоть понимаешь, что натворила? Оскорбила моего гостя в моем доме и в моем присутствии. Ты – моя торха, и часть оскорбления ложится на меня как на хозяина. Знаешь, что я должен с тобой сделать?

Свист рассекаемого плетью воздуха заставил сердце остановиться, но удара не последовало.

– Ты не имеешь права упрекать, обвинять, а тем более, оскорблять норна. Любого норна. За публичное оскорбление аверда тоже полагается наказание. – Хозяин отпустил и начал расхаживать по комнате, поигрывая плетью. – Ты должна молчать, что бы они ни говорили и ни делали. Законом допускается сопротивляться только в двух случаях: если кто-то попытается овладеть тобой силой или покалечить, но и здесь ты обязана позвать на помощь кого-то из моих людей. Повезло, что ты не причинила Анафу никакого вреда, а то познакомилась бы с квитом. Вряд ли после него ты осталась бы торхой.

Сглотнула. Квит – палач, встреча с ним всегда заканчивается увечьями.

– Между прочим, – виконт остановился напротив меня, – за оскорбление норна торхе положено от десяти до сорока ударов плетью. Ты отделалась семью, да и те смягчала одежда, хотя пороть тебя следовало обнаженной. Цени мою доброту.

Я покорно поцеловала подставленную руку. Ценю, мой норн, сорок ударов не вынесла бы.

– Надеюсь, подобное не повторится, – хмуро закончил хозяин. – Свободна!

Не веря, что так легко отделалась, встала и, поклонившись, выскользнула за дверь.

Через неделю после наказания в деревне устраивали праздник в честь начала уборки урожая. Планировала пойти туда вместе со слугами, если хозяин разрешит, но теперь на моих вылазках из замка можно поставить крест. А я-то так мечтала побывать в городе, вернее, скажем иначе, мне периодически жизненно необходимо там бывать. Да и на праздник хотелось. Все там будут, а я останусь призраком бродить по замку. Даже норн куда-то уезжает, мельком обмолвился. Вдруг возьмет с собой? Он ведь говорил: торха везде следует за хозяином.

Перестилая постель в спальне норна, гадала, стоит ли заводить разговор на тему праздника. Я не смогу, не умею просить, да и страшно. Может, не стоит? Ничего, посижу одна, подумаю о горестной жизни.

Снова встало перед глазами лицо матери, вспомнился дом. Если бы не война, я бы уже окончила школу, готовилась к свадьбе. Мы с Иахимом ели бы ягодное мороженое, любовались закатами. Он бы меня в первый раз поцеловал. Всего этого меня безжалостно лишили.

Всхлипнув, положила полотенца на место, наклонилась, поправляя баночки на полочках, проверила, до блеска ли оттерли ванную хыры.

Тоска, мертвой хваткой вцепившись в горло, не отпускала. Не выдержав, села и, уткнувшись в бортик ванной, разрыдалась. Беззвучно: привыкла, что здесь можно плакать, только не привлекая внимания.

Кевар, хочу обратно в Кевар, к отцу, маме, подругам! Снова стоять за прилавком, щупать отрезки тканей, вдыхать их запах, печь вместе с кухаркой пироги, с компанией друзей ездить за город кататься на лодке, сидеть среди высокой травы, намазывая на хлеб взбитый с малиной творог. Я хочу домой!!!

– Зеленоглазка? Лей? – При звуке голоса хозяина разрыдалась еще больше.

Что ему нужно, зачем он меня мучает? Неужели в Арарге так мало женщин, что требуется похищать их в других странах, надевать ошейники, унижать, принуждать к ласке? Почему норны не насилюют араргок? Есть же, в конце концов, женщины, которые за деньги сделают все, что пожелает мужчина.

– Что случилось?

Вздрыгнула, когда хозяин поднял на ноги. Потянулась за мешком с грязным бельем, чтобы откланяться и уйти, сбегать в прачечную, но норн буквально выволок из ванной и усадил на кровать.

Нет, я не желаю заниматься с ним любовью! Но хозяин просто протянул стакан воды.

– Выпей и успокойся. Что произошло?

Вроде бы норн не сердится, вроде бы беспокоится о своей игрушке. На меня саму ему наплевать.

– Ничего, хозяин, простите, – хлюпнула носом и отвернулась. – Я быстро закончу. Если угодно, могу прийти позже.

Сделав несколько глотков, встала и тщательно вымыла стакан.

– Мне угодно знать, почему ты плакала. Кто-то тебя обидел?

Хозяин стоял на пороге и пристально наблюдал.

Покачала головой.

Возможно, стоит спросить о празднике? У него хорошее настроение.

– Хозяин, а можно мне... Наверное, мне отныне запрещено покидать стены замка? – упавшим голосом вымолвила я, заранее зная ответ.

– Так вот в чем дело! – рассмеялся норн. – Хочешь вместе со всеми на праздник? Очень хорошо, что ты сознаешь свою вину. Наказанная торха не достойна веселья.

Кивнула и безропотно позволила себя обнять. Хозяин ослабил шнуровку платья, с удовольствием помял грудь под бюстье. Ну да, столько дней воздержания! Ему плевать на мои желания, на женские боли и на то, что я пару минут назад постелила новые простыни. Надеюсь, хоть противно станет. Однако норн ограничился грудью. Лаская оголенные холмики, он неожиданно произнес:

– Я ведь могу и отпустить. А, Зеленоглазка, очень хочешь на праздник? Попроси!

Норн отпустил меня и с самодовольным видом сел в кресло.

Поправив белье и заново зашнуровав платье (теперь я знала: его фасон создан для удобства мужчины), подошла к норну. Опустилась перед ним на колени и прикоснулась губами к руке.

– Хозяин, смиренно прошу отпустить меня. Обещаю не делать ничего, что могло бы опорочить ваше имя.

– Нет, Лей, – покачал головой он, – ты попросишь губами, но иначе.

Виконт расстегнул ширинку и высвободил мужское достоинство.

– Удовольствие за удовольствие, Лей. Считай наказанием. Приступай.

Медлила. Я видела, как хыры ублажали мужчин ртом, но не предполагала, будто мне когда-то придется делать подобное. Но на кону стояло будущее, и я решилась. Преодолев омерзение, наклонилась и, зажмурившись, взяла в рот самый кончик. Виконт надавил на затылок, вынудив проглотить больше. Меня тошнило, шея затекла, не хватало воздуха, но я покорно неумело ласкала.

– Еще, еще! – мурлыкал норн. Кажется, он блаженствовал. – Усерднее, Лей, усерднее! Пока ты не очень хочешь в деревню. Помоги себе руками.

Как помочь, если я не умею?

Рот наполнился мерзким привкусом. Приходилось постоянно сглатывать и надеяться, что меня не стошнит. Губы ублажали, а в голове стояло: «Потерпи, думай о ку́знице!».

Теплая ладонь легла на макушку.

– Хорошо, Лей, я отпускаю тебя.

Не веря своему счастью, подняла на него глаза: нет, не шутит.

Виконт развалился на кровати. Грудь вздымалась от тяжелого дыхания.

– Доделай. – Хозяин указал на свою плоть.

Снова склонилась над объектом мучений и постаралась все быстро закончить. Заветное желание исполнилось, правда, вряд ли это была моя заслуга. Скорее, норн сам так сильно возбудился, что не мог терпеть.

– На, вытри! – Он протянул платок и застегнул ширинку. – Надеюсь, наказание запомнишь надолго. Если плетка не помогает, придется так. Станешь еще оскорблять господ?

– Нет, мой норн. – Повторения омерзительного унижения не желала.

Хотя, отчего омерзительного? Рабыня обязана удовлетворять хозяина любыми способами.

– Рот водой прополощи, – посоветовал виконт. Он жмурился, как кот, наевшийся сметаны. – Из-за чего плакала? Из-за праздника?

– Нет, – раз уж обещала быть честной, придется сказать. – Вспоминала родину.

Вода принесла облегчение. Выстирала платок норна и повесила сушиться.

Ничего, Иалей, он в своем праве. Мог бы заставить грубее. Зато на праздник пойдешь.

– Совсем ребенок! – покачал головой хозяин. – Со временем пройдет. Поверь, могло быть намного хуже.

Ну да, попади я к Шоанезу, не дожила бы до лета. А так не хыра, а единственная торха в доме. Да и хозяин не зверь: на праздник, вот, отпустил. Подумаешь, пару минут потошнило.

– Держи! – Норн извлек из кошелька на поясе несколько серебряных монет и вложил в мою ладонь. – Купи чего-нибудь. Когда день рождения?

– Осенью. – Крепко сжала монетки, будто боясь, что отнимут.

– Получишь цейх. А теперь ступай.

Норн чмокнул в висок и мягко подтолкнул к двери. Поклонилась, поблагодарила за доброту и, прихватив узелок с грязным бельем, ушла.

* * *

Праздник начала сбора урожая выпал на субботу. Уже накануне никто толком не работал, поэтому хырам пришлось взять на себя дополнительные обязанности, чтобы замок сиял чистотой. Экономка смотрела на все сквозь пальцы, а в пятницу вечером и вовсе, довольная и счастливая, упорхнула на третий этаж, прихватив бутылку вина из хозяйского погреба.

Разумеется, в восемь часов утра, когда все мы, наряженные, предвкушающие веселье, собрались на кухне, Сара не появилась. По идее, она должна была спуститься еще полчаса назад, но, очевидно, видела сладкие сны в чьей-то уютной компании. Девушки, хихикая, делали ставки, кому предназначалась бутылка вина. Большинство склонялось к управляющему.

Странно, но никто еще ни разу не подловил Сару или банально не считал нужным делиться пикантными подробностями в моем присутствии.

Ощущала себя «белой вороной»: на всех пестрые платья, кокетливые шляпки, а на мне все то же серое одеяние. Хорошо хоть отыскала в комодке ленты, вплела в волосы. С собой взяла холщовую сумку, в которую уложила плащ с капюшоном: погода капризна, с утра светит солнышко, а к вечеру может собраться дождь.

Кошелек с пятью серебряными монетками – моим скудным капиталом – предусмотрительно повесила на шею: законом не запрещалось грабить торх.

– Тебе очень идут ленты, Иалей, к глазам подходят.

Приветливо улыбнулась Маизе. Она была одной из немногих девушек, которые поддерживали со мной дружеские отношения. Невысокая чуть полноватая блондинка с голубыми глазами. Красавица, если бы не острый птичий нос. Она частенько напрашивалась в пару со мной, помогая и показывая, как и что нужно делать. Наверное, я могла бы назвать ее подругой, если бы в замке Тиадее у меня вообще такие имелись.

А ленты и впрямь зеленые. Изумрудные. Как-то вечером вернулась в комнату, а они лежали на столе. День выдался ужасный, устала, как собака, а тут кто-то порадовал. Приятно.

Снель демонстративно прошла мимо, сделав вид, будто не замечает. Потом все-таки не удержалась от ядовитого вопроса:

- Разве хозяин тебя отпустил?
- Вернется, сама у него спроси.
- Ничего, выйдем за ворота, по браслетику проверим.

Она намекала на еще одну особенность браслета торхи. Если хозяин уезжал и по каким-то причинам не брал рабыню с собой, то активировал заклинание, которое приглушенным алым сиянием сигнализировало о нарушении дозволенных границ. Как браслет мог знать, разрешил ли виконт покидать замок, не понимала. Потом умные люди пояснили: заклинание реагировало на запрет. Нужно было взять торху за руку, провести по некой руне на браслете и произнести специальную формулу границ. Ничего подобного норн не проделал, просто накануне отъезда поставил перед фактом и изъясил надежду, что во время его отсутствия я ничего не натворю. Естественно, обещала стать образцовой торхой. Хозяин хмыкнул и отпустил спать. Поверил, как верил до сих пор, потому как ни разу не активировал заклинание границ.

Шумной толпой вывалились во двор и, пожелав удачного дня оставшимся мыкаться на постах солдатам, миновали ворота. Я шагала между Маизой и женщиной, отвечавшей за гардероб хозяина. Маиза весело напевала, взхлеб рассказывая о вещах, которые купит на деревенской ярмарке, и своем ухажере – приказчике из ближайшего городка. Насколько поняла, спутницам отвели роль конвоя. А может, я слишком подозрительна? Отпускали же меня одну за покупками, да и не станет Маиза шпионить.

Никогда бы не подумала, что прогулка по обычной проселочной дороге способна доставить столько удовольствия! Мнилось, что я снова свободна, а рядом – кеварийские подруги.

Позвякивание серебряного браслета на руке вернуло к реальности.

Не желаю остаток жизни провести вещью! Если так, у меня есть два пути: либо попытаться привязать к себе хозяина, чтобы заработать вольную, либо найти способ бежать из Арарга. Увы, королевство раскинулось на островах, сведя шансы на удачу последнего начинания практически к нулю. Допустим, я найду способ избавиться от браслета, разминусь с погоней на суше, но в море меня непременно поймают. Драконы быстры, им ничего не стоит догнать корабль, да и как я попаду на борт? Никто не согласится взять пассажиркой беглую торху, ее с радостью за вознаграждение вернут хозяину.

Заметно погрузнев, взглянула на стога сена по обеим сторонам дороги. Лучше бы я стала крестьянкой, сельские жители намного счастливее. Да, тяжелый труд – но разве в замке у меня не болит спина, разве мне позволяют спать до полудня? Вспомнила о хырах, которые встают до рассвета и ложатся глубоко за полночь, и укорила себя за жалобы. Им намного хуже – беспросветная короткая жизнь.

Девушки из замка посторонились, пропуская телегу. Правивший ею парнишка улыбнулся, попытался завязать разговор, но служанки его проигнорировали.

Вот и деревня. Как же здесь многолюдно! И опять напоминание о рабстве – привязанные к коновязи хыры. Они сидели на корточках, уронив голову на руки. Грязные, босые, костлявые. Балахоны в нескольких местах порваны и, судя по всему, не стирались месяцами. Еще один раб стоял у поилки для лошадей и по-собачьи пил воду. Он был практически наг, в одной набедренной повязке. Мускулистое тело покрыто темным загаром и сетью красноватых рубцов. К ошейнику крепилась короткая цепь, для подстраховки запястья сковали веревки. Значит, боялись побега.

Особо буйных привязывали за пять колец: на шее и конечностях. Эти же кольца использовали во время наказаний. Например, продевали в них веревки и оставляли хыра лежать на специальном столе на солнцепеке.

Над рабами кружили мухи, садились на потные лица. Хыры то и дело дергались, сгоняя их.

– Бедные, – невольно вырвалось у меня, – они же голодные! Давайте что-нибудь им принесем?

– Иалей, ты чего? – Маиза дернула за рукав, заставляя пройти мимо. – Это же хыры!

– И что? Поэтому их не нужно кормить?

– Придет хозяин, покормит. Держись подальше, они грязные и вонючие. Еще заразу какую подцепишь! – Она брезгливо скривилась.

– Но они такие же, как я.

– Не такие. Ты из высшей категории, они из низшей. Для них ты госпожа.

На главной деревенской площади выросла самодельная сцена. На дощатых помостах веселили публику акробаты, жонглеры, глотатели огня, выгнанные наставниками ученики магов. Подобным нехитрым способом они зарабатывали на жизнь и, к слову, собрали много медяков и чутков серебра. Простенькие фокусы пользовались неизменным успехом. Люди, открыв рот, наблюдали за тем, как недоучки без огнива зажигали свечи, подвешивали в воздухе предметы, на несколько минут меняли цвет вещей и даже превращали воду в огонь. Признаться, сама не могла отвести взгляда от парнишки, играючи выудившего из рук зазевавшегося прохожего кулек с жареным миндалем. А ведь он стоял в десяти шагах!

Маизу и ее спутницу представление привлекало меньше ярмарочных рядов, поэтому насладиться очередным фокусом мне не дали. Или пожадничали бросить пару медяков в шапку вертлявой девочки, обходившей зрителей.

Чего здесь только не было! Жадными глазами изучала прилавки, но не спешила расставаться с деньгами. В отличие от служанок, крутящихся возле цветастых косынок и ага-товых сережек, я хотела потратить монеты с пользой. Во-первых, купить сапоги, во-вторых, теплую ночную рубашку, в-третьих... Вот с этим осторожнее: мне нужен маленький нож, который можно носить за голенищем под подвязкой. Разумеется, он дорогой, возможно, придется отдать за него все серебро, зато сумею при случае защититься.

Оставив Маизу с подругой копаться в ящике с шарфами, попятилась и осторожно затерялась в толпе. Спрятала браслет под рукавом и скользнула в соседний ряд. Беглый осмотр ярмарочных лотков показал: нужную вещь я здесь не куплю, придется податься в город. Он не так уж далеко, мили три, не больше, только позволят ли выбраться из деревни? Огляделась, высматривая служанок. Вдруг притаились за соседней палаткой? Быстро свернула за угол и осторожно выглянула: если следят, как-то себя проявят. Если им и приказали не спускать с меня глаз, задание они провалили, увлеклись обилием дешевых товаров.

А сапоги мне действительно нужны. Зимой в Арарге холодно, я частенько мерзла. Конечно, Сара выдала мне пару обуви, оставшуюся после покойной торхи, но размер не подошел, да и не нравились мне они. Изнутри мех вытерся, сами непонятного ржавого цвета. Пусть я рабыня, но хочу красивую обувь.

По сходной цене приобрела отличную пару из оленьей кожи. Конечно, она дороже воловьей, зато мягкая, приятная, удобная и теплая. Опушка самая простая, из овчины. Довольная покупкой, побродила немного по ярмарке, приценилась к карманному зеркальцу в костяной оправе, но не купила.

В город можно попасть двумя путями: либо пешком, либо попросить кого-то подвезти. Но кто же согласится взять на телегу девушку в сером? По покрою платья, оттенку и выделке материала в Арарге определяли социальный статус человека. Пусть на мне не холщовое рубище, платье приталенное, длинное, чтобы, не приведи местные боги (на тот момент я еще не разобралась, кому здесь поклоняются), никто не увидел ног, но проклятая шнуровка и серый рабский цвет за километр выдавали торху.

Решив положиться на удачу, огородами вернулась к постоялому двору.

Двое хыров сидели там же, у коновязи, третьего уже забрали.

Порылась в сумке и протянула взятую с собой краюшку хлеба. Рабы посмотрели на меня, как на умалишенную.

– Возьмите, – настаивала я. – Вы же голодные.

– Девочка, хозяин по головке не погладит, когда узнает. – Один из хыров скользнул по мне тяжелым взглядом.

– А что запретного я делаю?

– Кормишь чужих рабов. Проходи мимо, не обращай внимания.

Но я не собиралась уходить. Неужели закон запрещает протянуть краюшку хлеба? Что за вздор! Лучше позволить хырам умереть от голода? Хозяин не удосужился даже напоить их, раз мужчины лакают из лошадиной поилки!

Присела на корточки, разломилла краюху пополам и поднесла по куску к губам рабов. Один робко, воровато оглядываясь, взял хлеб. Веревка натянулась до предела, когда он отпривил мякиш в рот. Заглотал, практически не разжевывая. Неужели их вообще не кормят? Неудивительно, что хыры долго не живут.

Смотрела, как жадно они едят, пересчитывала рубцы и ожоги на коже, и думала: какие же сволочи араргцы! Да, мой родной Кевар не образцово-показательное княжество, но там никто не морил людей голодом, не издевался потехи ради. Неужели рабы ни разу не попытались возмутиться? Ни за что не поверю, будто подобное обращение не привело к восстанию. Наверное, его жестоко подавили, и хыры отныне боятся поднять голову.

Сама хороша! Исполняю все желания норна, лишь бы не изведать плетки. И, если на то пошло, не так много я терплю. Есть, с чем сравнивать. Норн даже иногда внимание обращает, денег дал – откупился, чуть ослабил поводок.

– Кто ваш хозяин? – спросила более разговорчивого хыра.

Его приятель предпочитал отмалчиваться.

– Купчишка один, зерном торгует. Урожай не собрали, а он уже торговать приехал. Спасибо тебе, девочка, добрая ты душа. Да ниспошлют тебе Вааль и Садера счастья в дерьмовой жизни!

Вааль и Садера – божества Панкрийского пантеона. Значит, передо мной панкриец.

Ответив: «Надеюсь, и вас не оставит милость Шоан», толкнула дверь постоянного двора и с непривычки закашлялась от табачного дыма. Он, как шутили в Кеваре, стоял топором.

Что я здесь делаю, зачем дергаю дракона за хвост? С другой стороны, идти пешком не многим безопаснее. Стоп, а зачем мне в город? Наверняка среди этих людей отыщется человек, который знает кузнеца.

Нож на заказ – немного дороже, зато точно подойдет, а расплатиться сумею. Во-первых, у меня остались две серебряные монеты и горсточка меди, во-вторых, хозяин обещал подарить на день рождения целый цейх. Родилась я в октябре, недолго ждать, а за один золотой можно запросто купить простенький ножик, еще останется. За постой, к примеру, берут полторы серебряных монеты – об этом красноречиво сообщала меловая надпись на графитной доске у стойки.

– О, девчушка пожаловала! – Меня тут же одарил вниманием подвыпивший мужчина и выставил загибающие руки. Поспешила ретироваться к двери, видимо, слишком поспешно, потому что подтолкнула незнакомца к продолжению разговора. – Чего ты испугалась-то, куколка? Заходи, приголубим, пивком угостим. Или ты у нас чаво покрепче любишь?

Поколебавшись, показала браслет. Лицо кавалера тут же помрачнело. С сокрушенным: «Вечно дворяне всех хорошеньких баб захапают!» – он отвернулся.

Поразмыслив, решила расспросить о нужном человеке хозяина. Внимательно выслушав, он с ехидной улыбочкой поинтересовался, зачем торхе кузнец. Соврала, будто хочу заказать

подсвечник в подарок норну от слуг. Не знаю, поверил он или нет, но адресом снабдил. Кузнец жил за околицей, вниз по реке.

Поблагодарив трактирщика, бочком двинулась к выходу, когда ощутила настойчивые поглаживания по мягкому месту. Подвыпивший араргец ловко обхватил одной рукой за талию, другой лапал попу под юбками.

– Другого мужика попробовать не хочешь? – Его самоуверенности с лихвой хватило бы на двоих. – Твой не узнает, зато найдется, что вспомнить.

– Не боитесь? – С вызовом посмотрела на нахала.

Закон на моей стороне, если мужчина распустил руки при свидетелях, получит по первое число.

– Кого? Твоего хозяина? – презрительно усмехнулся нахал.

Он встал, прижал к себе и задрал юбки выше. Пропитанное выпивкой дыхание вызывало тошнотный спазм, равно как все эти поглаживания и пощипывания. Не выдержав, я дала ему ногой по колену. Эффект неожиданности сработал: меня отпустили, наградив сочным эпитетом: «Сучка!»

– Как ваше имя?

Решила идти до конца. Раз я элитная вещь, то не желаю, чтобы меня лапали все, кому не лень. Пусть мерзавца накажут. Не поленюсь, преодолею робость и нажалуюсь хозяину.

– Щас я его на заднице пропечатаю, подстилка! – Араргец двинулся на меня с далеко не мирными намерениями. – Легла и ноги раздвинула!

– Виконту Тиадею это очень не понравится, – как можно спокойнее, стараясь, чтобы голос не дрожал, ответила я. Увы, гордо и с достоинством не получилось – вышел мышинный писк.

Имя хозяина произвело на наглеца неизгладимое впечатление. Он остановился и уставился на меня, как баран на новые ворота, потом разом помрачнел и молча сел на место.

– Что, не повезло, Гэл? Влип по уши! – тут же посочувствовали собутыльники. – Ничего, от ударов розгами еще никто не умирал. Ну, в тюрьме пяток дней поморят, потом штаны снимешь, свою порцию получишь – и гуляй! А красивая, все же, торха, за такую и зада не жалко. Какая она? Гладкая, небось, сладеньким пахнет?

– Отстаньте! – прорычал Гэл и, бросив на стол пару монет, вылетел на улицу.

Я тоже благополучно выбралась наружу и быстрым шагом направилась в указанном трактирщиком направлении. Нужно успеть переговорить с кузнецом до того, как Маиза с подругами поставят замок на уши. Миновав последние дома, не выдержала и побежала. Сердце сжималось при мысли о том, что со мной сделают, если узнают о побеге. И не оправдаешься: одно дело, если меня только-только хватились, и совсем другое, если служанки уже обратились за помощью к гарнизону.

От воспоминаний о столбе во дворе засосало под ложечкой. На этот раз виконт сам бить не станет, отдаст в руки квита. Он безжалостен: при мне выпорол розгами подростка за кражу. Я не могла спокойно смотреть на истязание, молила отпустить несчастного, а он не обращал внимания, продолжая методично наносить удары. Свободные от дел слуги апатично наблюдали за наказанием, остальные спокойно проходили мимо.

Кинулась к квиту, попыталась отобрать розги. Он оттолкнул, велел не вмешиваться. Зареванная, прислуживала норну за обедом. Тот поинтересовался, что меня так расстроило. Промолчала, а он не стал настаивать на ответе. Наверное, норн бы не понял: для него жестокое наказание ребенка – обыденность.

– Куда спешим?

Вздрыгнула и резко затормозила, чуть не сбив с ног высокую худую женщину с колючим взглядом бесцветных глаз. На плече у нее болталась котомка, доверху наполненная травами, а за спиной... Я впервые встретила вооруженную женщину. Судя по всему, в слегка изогнутых и расширившихся книзу ножнах – меч. Рукоять тонкая, округлая, безо всякой крестовины. Как

выяснилось, самое главное при осмотре я пропустила. Увлечлась любованием мечом и не заметила знак мага, скромно выглядывавший из расстегнутого воротника. Женщина, одетая по мужски, волшебница, да еще с мечом... Что-то подсказывало: до кузнеца я сегодня не дойду.

– Так что же тут делает торха? Кстати, ты чья? – Она потянулась к руке, и я инстинктивно ее отдернула. – Глупенькая, все равно ведь узнаю! – хрипло рассмеялась магичка.

– Да я просто устала от ярмарочного гама, решила прогуляться. Потом вспомнила, что забыла забрать одну вещь в кузнице, – пошла на риск, хотелось бы верить, оправданный.

Незнакомка пугала, заставляя чувствовать себя мышкой в лапах опытного кота-крысолова.

– Какую же вещь могла забыть торха у кузнеца? – Женщина обошла меня, пристально осмотрев со всех сторон. – В списках не значишься, и то хорошо. В сумке что? Покупки?

Уцепившись за последний вопрос, с радостью продемонстрировала приобретенные сапоги. Может, она забудет о кузнице?

– На ярмарке ты, определенно, была, запрет на браслет не поставлен, поисковая магия не задействована, – продолжала бубнить магичка.

Она сделала вид, будто уходит и, неожиданно схватив за руку, обнажила браслет.

– Виконт Сашер Ратмир альг Тиадей, – прошелестели губы с гадкой ухмылкой. – Вещица активирована не больше года назад, но достаточно давно. Никаких дополнительных рун. Значит, с моими коллегами не знакома.

– А вы кто? – решила спросить я.

Решено, схожу к кузнецу в другой раз, лучше не рисковать.

– Свободный маг, – представилась женщина и отпустила меня. – То есть маг, официально не состоящий на службе ни в армии, ни у частного лица. Конкретно я – маг-охотник. Принимаю заказы на поимку беглых рабов, разного рода преступников, убиваю нежить. Лечить тоже умею. Впрочем, без этого в моей профессии никуда. Так что там с кузнецом? – прищурилась она.

Сушая гончая! Вцепилась мертвой хваткой и не отпустит, пока не докопается до сути.

– Да ничего. Кто-нибудь из слуг заберет.

Попятилась, раздумывая, не удариться ли в постыдное бегство. Зачем я ввязалась в авантюру, да еще в ярмарочный день? Не могла немного подождать! Все равно рано или поздно пошла бы в деревню за солью или еще чем для нужд кухарки, заодно и к кузнецу бы заскочила. Так нет же, ударились в бега и наткнулась на легавую!

– Без глупостей! – Наметанный глаз заметил мои душевные терзания. – Не создавай себе проблем, а мне – лишней работы. Пошли, до деревни провожу, а то мало ли!

Убедившись, что я, как примерная девочка, углубилась в торговые ряды, магичка, наконец, оставила в покое. Уверена, она не ушла, а наблюдала, желая подловить на новой попытке побега. Тогда-то охотница не будет столь любезна и применит одно из заклятий.

Наверное, смешно, но я побаивалась магов. Они такие таинственные, непредсказуемые и сильные. Конечно, сильные, если умеют открывать порталы, сквозь которые проходят целые армии! Тогда я не задумывалась, что вовсе не все чародеи такое умеют. Магический дар, как и любой другой, нужно развивать, на одних природных способностях далеко не уедешь, так в любой профессии.

– Уфф, Иалей, вот ты где! – На меня с двух сторон налетели служанки. – А то мы решили за ребятами из замка бежать.

Вовремя я вернулась! Вернее, меня вернули.

– Тут такая толчея, еле выбралась! – пожаловалась, пытаясь состряпать правдоподобную ложь.

– Купила чего?

– Да, сапоги. Вы уже домой собрались? – испуганно добавила я, решив-таки потратить оставшееся серебро.

Итак, теплая ночная рубашка, кофта, чулки. Может, еще свечей? И хорошо бы книгу, непривычно без чтения. Из библиотеки ничего брать нельзя, придется тратить собственные деньги.

– Нет, что ты! Мы еще пунша не пили. Знаешь, какой тут вкусный пунш? Ты говори, что нужно, мы поможем.

Через полчаса, нагруженные покупками, девушки, активно работая локтями, пробивались к огромному чану. Возле него ловко орудовал поварешкой бородатый детина, от щедрот окрестного дворянства одаривая обывателей горячим ароматным напитком. Оставив меня сторожить вещи и заодно с боем отвоеванное местечко под деревом, служанки бросились на штурм «пуншевой крепости» и заполучили-таки три кружки. Это стоило им пары пятен на платьях, но, похоже, счастье от бесплатного напитка с лихвой компенсировало подобные мелочи. Все равно не им стирать.

Пунш оказался вкусным, но крепким, с непривычки закружилась голова. Смогла выпить только половину кружки, а служанки не отказались бы и от второй.

* * *

Быстро умылась, оделась, причесалась и, спустившись вниз, по крытому переходу понеслась в служебный дворовый флигель. Не последняя – и то радуется.

Сегодня Сара поручила мне лестницу. Проверила, начисто ли вымыты ступени, выбиты ли ковры на этажных площадках. Потом с ведром и тряпкой отправилась на галерею первого этажа, стараясь не думать, сколько метров отделяют меня от пола.

Раша я заметила на подлете к замку: как раз оттирала подоконник. Взглянула на свое отражение в воде – более-менее. Выходить во двор не спешила, дожидаясь, пока позовет Сара. Или не позовет. Знаю, торха обязана провожать и встречать хозяина, но я предпочла бы и дальше заниматься уборкой.

Отвернулась: вдруг скотина с желто-зелеными глазами заметит и обратит внимание седока? Драконы способны разглядеть цель с высоты стелющегося полета.

Кажется, ту нишу я еще не мыла. Вот ей и займусь.

– Лей?! – разнеслось по холлу через несколько минут.

Вздрогнула, словно мышь, забилась в укромный уголок и задержала дыхание. Быстро же они приземлились! И сразу виконту зачем-то понадобилась я. Нет, чтобы переодеться, отдохнуть с дороги! Или он хочет, чтобы я ему ванну сделала? Шоан, неужели вокруг других женщин нет? Пожалуйста, пожалуйста, виконт алыг Тиадей, займитесь чем-то еще!

– Она наверху, – услышала знакомый голос.

Тряпка выпала из рук. Та самая магичка! Или как тут принято называть магов женского пола? Женщина с бесцветными глазами, которая остановила меня на пути к кузнецу. Но что она здесь делает, как они встретились?

– Лей, иди сюда! – весело окликнул хозяин. – Снэрра Джованна тебя видит. Лей, ну чего ты боишься? У меня для тебя подарок.

Я не сдвинулась с места.

– Лей, ну что ты как ребенок! Я тоже тебя вижу.

Оказалось, с определенного ракурса снизу отлично просматривается мое укрытие. Немудрено – высота большая, а холл широкий.

– Вы уже вернулись, хозяин? – изобразив неподдельное удивление, перегнулась через перила. Рискованно! Сразу стало не по себе.

– Пару минут назад. Спускайся, Зеленоглазка, рассказывай, чем ты тут занималась, понравился ли праздник.

Отложила тряпку в сторону и, вздыхая, спустилась. Уже знала, какой вопрос хозяин задаст следующим: «Что тебе понадобилось у кузнеца?» Не верю, будто магичка ничего не рассказала, иначе зачем она сюда явилась? Мигель с работой справляется.

Вопреки ожиданиям, виконт встретил приветливо, только слегка пожурил за упрямство. Снэрра Джованна стояла позади хозяина и делала вид, будто изучает убранство холла. На самом деле ее интересовала я.

Поклонившись, замерла в ожидании указаний. Меня и норна разделяло не больше трех шагов.

– Так как праздник? – Он подошел и потрепал по голове.

Ощутив тяжелый взгляд магички, поспешила заручиться поддержкой хозяина, заодно проявила похвальную торхью любовь: поблагодарила за разрешение побывать в деревне и поцеловала виконту руку. В ответ тот коснулся губами макушки. Норн сгреб в объятия, несколько шагов пронес на весу и поставил на первую ступеньку лестницы.

– Зеленоглазка, – вкрадчиво начал он, – я слышал, ты очень интересовалась кузнецом... Зачем?

Капкан захлопнулся.

Что ему ответить? Солгать? Но, почувствуй виконт фальшь в голосе, жестокого наказания не миновать. А скажи я правду, опять-таки не избежать свидания с квитом.

Норн ждал, требовательно глядя в глаза.

– Я хотела... купить нож, – ухнула в омут без возврата.

И так слишком долго молчала, подкрепляя подозрения. Могла бы солгать про кольцо, но на ярмарке продавались простенькие украшения, как раз для торх.

– Зачем? – сдвинул брови хозяин.

Магичка слегка подалась вперед, довольно улыбаясь. Наверное, рада, что подловила на лжи, и предвкушала расправу. Только ей какая выгода? Хотела выслужиться перед знатным норном?

– Одной страшно! – пустила слезу, вспомнив о плети. – Я не знала, как защититься.

– Тебя кто-то обидел? – Хозяйский тон смягчился, в нем промелькнуло беспокойство.

– Один человек приставал, еле отбилась. Но он обещал подкараулить, и я подумала... Понимаю, это была плохая идея, – низко опустила голову.

– Что за человек, Зеленоглазка? Имя? Приметы? – жестко потребовал виконт, сузив глаза.

– Друзья называли его Гэлом. Самоуверенный такой. Простите, я от страха ничего не запомнила.

– Браслет видел? – Кивнула. – Мое имя ему назвала?

Снова кивнула, умолчав о том, что оно-то и спасло.

– Это случилось на ярмарке? Почему тебя оставили одну?

– Девушки ждали снаружи. Я зашла на постоялый двор, хотела узнать, нет ли вестей с родины. Я так скучаю! Скоро год, как ничего о ней не слышала, даже сомневаюсь, существует ли еще Кевар.

– Лей, – хозяин строго посмотрел в глаза, – надеюсь, ты понимаешь, какую глупость совершила. Сразу три глупости. Во-первых, отправилась на постоялый двор, во-вторых, пошла одна, подвергнув себя опасности, в-третьих, ничего не сказав слугам, поспешила за ножом к кузнецу. За ножом, Лей! Тебе строжайше запрещено иметь оружие. Рад, что хотя бы не стала лгать, как снэрре Джованне. Я опрошу слуг, надеюсь, твои слова подтвердятся.

Потупилась и тяжело вздохнула. Сейчас он расскажет, какое наказание меня ждет. Сколько ударов плетью? Или отправит сидеть на крыше без еды и питья? Араргцы изобретательны в плане наказаний.

– В течение двух недель не выйдешь из замка, – вынес вердикт хозяин. – После обеда рассыплешь понижней площадке лестницы бобы и простоишь на них до ужина. Я обещал подарок... – Он порылся в карманах и извлек серебряное колечко с затейливой вязью. – Держи, оно поможет скоротать время. Примерь.

Равнодушно приняла украшение из рук норна и надела на палец. Кольцо заиграло, даже россыпь мелких камушков проступила.

– Спасибо! – Улыбка получилась искренней.

Обрадовалась подарку, как маленькая! Все какое-то проявление внимания.

Наклонилась и еще раз прильнула губами к руке хозяина.

– Она хорошая девочка, только с порядками старого мира. – Норн обернулся к магичке. – Не думаю, что мне понадобятся ваши услуги, но все равно благодарю.

– Вижу, вы ее любите. – Уголки губ снэрры Джо-ванны поползли вверх. – Холите, лелеете. Я совсем не чувствую ужаса, да и все ее поведение свидетельствует: она не рабыня, а служанка.

– Да, я хорошо отношусь к Иалей, снэрра, как показал этот случай, взаимно. Страх – не то чувство, которое я хочу внушать торхе. Немного трепета, уважение – да, но не панический ужас.

– Ваше право, но по-моему, рабам следует постоянно указывать на место.

– Лей знает свое место, – резко ответил виконт. В глазах промелькнуло раздражение. – Всего хорошего, снэрра, не смею вас задерживать.

Джованна фыркнула, одарила меня взглядом, в котором читалось «Мы еще встретимся», и, попрощавшись, ушла.

Вопросительно глянула на хозяина: можно ли вернуться к работе? Он ничего не ответил, пришлось задать вопрос вслух. Норн отпустил и велел позвать управляющего.

Я честно отбыла наказание, стойчески игнорируя косые взгляды недоброжелателей. Несколько раз мимо проходил хозяин, скользил глазами, как по пустому месту. Меня это устраивало: иногда хотелось стать невидимкой. Когда пришло время ужина, собрала в подол бобы и побрела на кухню, где уже вовсю стучали вилками служанки. Как обычно, устроилась в уголке, уткнувшись в миску с овощным рагу. Ела безо всякого аппетита, только чтобы не умереть. Потом поднялась к себе, проглотила очередную порцию зелья и прилегла на кровать. Взять бы и заснуть, но нельзя. Нужно застелить хозяину постель, взбить подушки и, если он пожелает, остаться с ним.

Замок медленно погружался в сон. Слуги ложились рано, господа, естественно, позднее. Спускаясь по черной лестнице, услышала смех Сары.

Из открытой двери наискось падал на пол прямоугольник света. Комната управляющего. Как я и думала. Хоть кому-то хорошо!

В голову лезли мысли о грядущем дне рождения. Мне исполнялось восемнадцать. По закону в этом возрасте девушки становились совершеннолетними, по факту хозяин впервые взял меня еще ребенком, но никаких душевных терзаний по этому поводу не испытывал. Для Арарга подобное в порядке вещей. Девушки выходили замуж с шестнадцати лет, а мне к моменту покупки исполнилось семнадцать. Обитатели дна и хыры и вовсе считались совершеннолетними с тринадцати. Определялось все просто: способна рожать – значит, уже не ребенок. Спасибо, хозяин пока детей не хотел, хотя пару раз намекал: скоро озаботится. Пока же он предпринимал кое-какие меры. Выбрасывать их приходилось мне. Неприятно, но лучше плетей за отказ забеременеть. Насколько поняла, виконт уже в этом месяце собирался не покупать у аптекаря овечьи кишки особой выделки. Торха привыкла, можно не стараться. Тут ведь просто: хозяева делают детей рабыням походя, а потом решают, рожать ли той или сделать искусственный выкидыш. Мнение женщины в расчет не принимается.

В тот вечер хозяин долго пытал меня на тему пристрастий. Не понимала, что конкретно его интересует, поэтому поведала о любимом цвете, еде, времени года, книгах, кото-

рые раньше читала. После взбила перину и разделась – бесстыже, как шлюха. Дальше – привычно, при свете. Уже притерпелась, покорно поворачивалась и не сжимала бедра. Все для удовольствия норна. Лежала, позволяя ему забавляться, и впервые рассматривала как мужчину. Симпатичный, сильный, глаза красивые. За собой следит: подтянутый, в отличной физической форме. Побрился. Не ради меня, разумеется. Слабое, конечно, но утешение, что принадлежишь такому хозяину.

Выждав пару минут после того, как виконт отстранился, спросила, нужна ли еще.

– От тебя зависит, – усмехнулся норн, переворачиваясь на спину.

Я расценила это как отрицательный ответ. Оделась, пожелала хозяину спокойной ночи и ушла к себе, предварительно задув в комнате свечи. Торхи не ночуют с хозяевами, удовлетворила и свободна.

* * *

На день рождения получила обещанный цейх и приятный сюрприз – возможность на сутки стать свободным человеком.

Проснувшись, обнаружила у изголовья привычную некогда одежду: нижнюю рубашку и скромное шерстяное платье. В ванной стоял сундучок с милыми женскому сердцу мелочами. Вместо жалкого осколка появилось круглое зеркало. Когда его успели повесить? Потом пришла служанка и вежливо поинтересовалась, не желаю ли принять ванну.

Сидела в теплой воде и плакала: вспоминала дом. Казалось, сейчас обмотаюсь полотенцем, открою дверь и окажусь в своей комнате. Нет, не в замке виконта, а за сотни километров отсюда. Быстро оденусь, распахну окно, посмотрю на шумную улицу и сбегу вниз, завтракать. Отец уже сидит за столом, мать выговаривает кухарке, оборачивается ко мне, желает доброго утра...

Рыдания душили. Видимо, я выла в голос, раз дежурившая за дверью хыра робко спросила, все ли хорошо. Всхлипнула и замотала головой. Мне восемнадцать лет, я вещь и никогда не увижу родных. А в остальном все в порядке.

Успокоившись, вышла из ванной комнаты. Одеться помогла хыра, а причесывала уже служанка – одна из тех, кто относился ко мне нейтрально.

Завтракала я за одним столом с хозяином. Сидела на стуле, а не на полу. Ела ножом и вилкой с фарфоровой тарелки. Неуютно. Видно, успела свыкнуться с ролью комнатного животного в присутствии норна. Под его внимательным взглядом кусок не лез в горло, даже чуть не обожглась кофе. Шоан, сколько же я уже не пила кофе? Служанкам и нормального чая не давали, только травяной, а это жуткая гадость!

– Сегодня ты не работаешь, – сообщил хозяин. – После завтрака съездим в город. Наверняка тебе хочется что-то купить.

– Благодарю, хозяин, вы обеспечиваете всем необходимым.

Не поверила собственным ушам. Он поедет со мной, станет ходить по лавкам?!

– Речь не о необходимом. Платье купи или книги.

– Это слишком дорого, – отмела столь щедрое предложение, – вы и так подарили целый цейх.

– Я хочу, чтобы ты улыбнулась. Хотя бы раз. Кстати, Раш тоже изъявил желание тебя поздравить и покатасть немного. Не бойся, – рассмеялся хозяин, отодвинув тарелку, – не уронит, да и я прослежу.

Слишком похоже на пряник. Только вот чем придется за него платить? Увы, подарок – иллюзия, я по-прежнему рабыня и вечером покорно раздвину ноги перед благодетелем.

После завтрака по привычке хотела помочь служанкам, но хозяин удержал. Он отвел в гостиную и усадил на диван. Сам, естественно, расположился рядом и обнял. Виконт отдал

слугам несколько мелких хозяйственных распоряжений и велел принести верхнюю одежду. Мне досталось не поношенное пальтецо на собачьем меху, а нечто невообразимо шикарное. Интересно, это купили специально для меня или осталось от предшественницы? А может, это пальто одной из служанок?

– Ну вот, совсем иначе выглядишь, даже выражение лица изменилось. – Норн одобрительно осмотрел меня с головы до ног. – Бери перчатки и пошли.

Перчатки подарила Сара. Простые, но кожаные. Прежде я довольствовалась нитяными.

Дворовый хыр подвел к крыльцу холеного гнедого жеребца и поспешил придержать стремя. Сев на коня, хозяин протянул руку и с помощью раба усадил меня впереди себя. Седло широкое, я – худенькая, кое-как поместилась. А ведь норн подвинулся, чуть ли не на задней луке сидел, до предела натянув стремя. Ничего, потерплю и с синяками смирюсь: на холке болезненнее, знаю.

Встречные пешие и конные почтительно кланялись норну и заодно мне.

Хозяин расспрашивал о том, что бы хотела купить, настаивал на посещении лавки букиниста. Не знаю, сколько он на меня истратил. Ценой норн не интересовался. Купила новые чулки, от книги отказалась: слишком дорого, но хозяин, смеясь, напомнил, что платит он. Поэтому-то не хотела ее брать. И не взяла. Зато норн купил для себя, заявив: «Для общего развития полезно». Толстая такая книга, сборник рассказов об Арарге, заметки какого-то путешественника.

Отправив сопровождавших нас хыров и слугу с покупками домой, хозяин накормил обедом. Трактирщик, сама любезность, вертелся, как уж на сковородке, лишь бы угодить норну и его очаровательной спутнице. Интересно, как бы он запел, узнай, что я всего лишь торха?

Для полноты счастья не хватало только ягодного мороженого, впрочем, откуда ему тут взяться?

В замке поджидал Раш.

– Ну наконец-то! Я уж решил, будто ты ее кому-то продал! – Дракон недовольно бил хвостом по земле, недобро косясь на обступивших его хыров.

– Она мне нужна, Раш, – усмехнулся хозяин. – Даже втридорога не отдам. – И напомнил: – Осторожнее, Лей высоты боится.

– Мы невысоко летаем, – заверил дракон, кося хитрым взглядом. – Пара кружков по окрестностям, чтобы крылья размять.

Раш подошел ближе. Конь норна испуганно фыркнул и попятился. Дракон довольно выпустил струйку дыма ему в морду.

– Прекрати безобразничать! – погрозил пальцем виконт, успокаивая скакуна.

– Да я так, слегка, – даже не подумал извиниться крылатый пройдоха и поторопил: – Усаживай свою драгоценность.

Раш плюхнулся на брюхо и замер.

Поколебавшись, перебралась из одного седла в другое. Это оказалось проще, нежели я думала. Под чутким руководством хозяина села, как положено, застегнула ремни, взялась за кожаные петли.

– Все, что ли? – живо откликнулся на прекращение возни дракон. – Тогда поберегись!

Полет понравился. Сверху все казалось калейдоскопом красок, пестрой узорчатой картиной. Только когда взлетали и приземлялись, было безумно страшно, казалось, непременно упаду, но обошлось.

Катание на драконе плавно перетекло в ужин, опять-таки за одним столом с норном. На десерт подали ягодное мороженое. Стыдно, но я съела целых две креманки: хозяин великодушно отдал свою порцию.

Заснула я в постели виконта, свернувшись калачиком под боком, разумеется, прежде исполнив долг торхи. Честно пыталась воплотить советы Сары, чтобы отблагодарить за малень-

кий праздник, но по-моему, ничего не вышло. По я по крайней мере пыталась, и норн не обвинит в черной неблагодарности.

* * *

Хозяин с утра заперся в кабинете, предоставив слугам свободу действий.

Переделав текущие дела, сбегала к аптекарю за глазными каплями для одного из драконов. Безусловно, могла остаться на кухне, но у меня свой интерес. Да и к кузнецу по-прежнему хотелось зайти.

Без приключений добралась до города, купила капли себе и дракону. Как всегда, изображала дуручку, которая понятия не имела о содержимом зеленой бутылочки. Поболтала немного со словоохотливым аптекарем о погоде, прошедшем празднике и отправилась обратно, засунув «драгоценность» за бюстье.

При виде вольготно расположившихся у обочины мужчин в воздухе запахло опасностью: слишком уж пристально они смотрели.

Вокруг ни души, справа поле, слева река. Чуть поодаль – лесок.

Я остановилась, задумалась: рискнуть и пройти мимо или повернуть обратно и дожидаться какого-нибудь путника? Ведь предлагали подвезти до деревни, отказалась!

– Ну что же ты, красавица, подходи! Мы тебя давно дожидаемся, – осклабился один из мужчин, встал и походкой вразвалочку направился ко мне.

Попятилась, сообразив, с кем имею дело. Наемники! Самоуверенные, загорелые, мускулистые, в стеганых куртках с железными пластинами, отлично вооруженные, они не походили на разбойников. Последних успешно искореняли из окрестных лесов люди хозяина.

– Привет от сеньора Анафа, куколка!

Ощувив дуновение воздуха, затравленно обернулась: позади стояли двое.

– Да ты не стесняйся, тут все свои, – издевался главарь. – Становись на четвереньки и задирай юбки.

Мы твои прелести по-братски поделим, а потом немного разукрасим, чтобы место знала.

Сеньор Анаф... Имя казалось знакомым. Точно, сосед хозяина, которого я облила вином! Значит, он не просто грозил, а предупреждал.

Взгляд заметался по сторонам в поисках спасения. Время утекало, как песок сквозь пальцы.

– А ты, как погляжу, стеснительная, потаскушка! – Один из наемников шагнул ко мне и рывком стащил короткое пальтецо. – Слышь, Донер, – обернулся он к главарю, – кто первый?

– По старшинству, Вирт, – осклабился тот. – Но вдруг красотка щедрая, и ты сзади пристроишься? Тогда, так и быть, разрешаю со мной. Тащи ее сюда! – рявкнул Донер.

Отчаянно рванулась в глупой надежде убежать. Увы, только сумку уронила. Наемник со смехом взвалил на плечо и бросил на землю чуть в стороне от дороги. Больно ударившись затылком, не сумела быстро подняться и упустила последнюю возможность затеряться среди пшеничных скирд. Поле – вот оно, рукой подать. Я лежу в самом начале межи, только вот шея и руки намертво прижаты к земле.

– Ты как, куколка, ножки под норном раздвигать хорошо научилась? – Надо мной нависла усмехающаяся физиономия Донера. Сплюнув жевательный табак, он расстегнул штаны. – Может, еще какие премудрости знаешь? Показывай, не стесняйся!

Наемник расхохотался и в подробностях сообщил, что и как со мной сделает. Воспользовавшись моментом, пнула его, постаравшись попасть ниже пояса. Увы, промахнулась, зато главарь запутался в штанах и упал, извергая проклятия.

Резкая боль прожгла кожу. На миг перехватило дыхание. Еще один удар, и кровь хлынула из носа. Кажется, Вирт его сломал.

Донер поднялся и с хмурым видом пнул в живот. Тихо заскулила и сжалась в комок.

– Только посмей взбрыкнуть еще раз, шлюха! – мрачно пригрозил наемник. – Все ребра ножом пересчитаю, сукина дочь! Поняла?!

Всхлипнув, кивнула. От боли по щекам текли слезы. Кровь не останавливалась и стекала по подбородку.

Донер задрал юбки, рванул трусики. Они, естественно, порвались.

– Пожалуйста! – взмолилась я, ни на что не надеясь.

Похабно ослабившись, главарь запустил мне руку между ног... и рухнул с арбалетным болтом между глаз, придавив потным телом.

Наемники рассредоточились вдоль дороги, на время утратив ко мне интерес.

Звякнули взводимые курки коротких ружей – пистолетов. На пятерых, включая покойного, их оказалось две штуки – достаточно, чтобы «снять» моего спасителя.

Выстрелы грянули почти одновременно. Облачко пыли заволочло спусковые механизмы. Целились в лес – значит, арбалетчик притаился там.

Со второй попытки скинув с себя мертвеца, вскочила и нырнула за ближайший стог. Распласталась по земле и поползла, пока не уткнулась в чей-то бок. Закричать не успела: чья-то рука зажала рот.

– Тише, они услышат! – прошипел неизвестный.

«Они»? Значит, не из наемников. На слово, конечно, верить нельзя, но мужчина не пытался залезть под юбки, и я немного успокоилась.

Не знаю, сколько мы пролежали среди снопов. Когда отважилась высунуть голову, у дороги валялись пять трупов. С трудом верилось, что наемников мог уложить один человек. Видимо, высказала сомнения вслух, раз сосед пояснил, что он не один – с друзьями.

Опасность миновала. Я выпрямилась и осмелилась оглянуться на повалившегося на землю мужчину. Немолод. Кожа обветренная, одежда не по размеру. Судя по характерным незагорелым полоскам на шее и запястьях, незнакомец – бывший хыр. Ощувив остановившийся на запястьях взгляд, тот развеял сомнения:

– Собратья по несчастью. Ты ведь тоже не арагкка?

Кивнула и настороженно поинтересовалась:

– А как вы... – тут же поправилась: – ты догадался?

– Браслет. – Мужчина указал на мою руку. – За что с тобой так? Торх ведь не насилуют просто ради развлечения.

Вздрогнула от воспоминаний о пальцах наемника и его достоинстве, которое пусть на миг, но вошло в меня.

– Насолила одному норну, – решила не вдаваться в подробности.

– Неужели хозяину плевать на свою собственность? – изумился собеседник и вытащил из волос соломинку. – Араггцы, ублюдки, ревностно блюдут чистоту торх, и не позволяют иметь их всем кому не лень.

– Он не знает, – покачала головой и осторожно высказала догадку: – Послушай, ты ведь не аверд?

Мужчина со смехом кивнул и протянул крепкую руку.

– Давид, беглый хыр. Теперь вот еще и разбойник, потому как выбора нет.

– Но я думала, сбежать невозможно... – удивленно уставилась на него.

– Одному? Нет. Мы всем баракком бежали, только вот, – он грустно усмехнулся, – из сорока человек в живых осталось трое. Нас куда-то везли, на ночь привязали плохо, вот и выбрались. Вырубили стражу, одежду, оружие забрали и дали деру. Не помню, когда в последний раз так радовался, когда избавился от ошейника!

Не веря, поинтересовалась, как можно снять его без кузнеца. Это казалось подозрительным. Со слов Давида, кузнец не нужен, достаточно украсть у надсмотрщика ключ. Он стандартный, подходит и для ошейника, и для браслетов.

– Больно? – участливо спросил беглый хыр, заметив, как я боюсь свести ноги.

Промолчала, утирая кровь. Такое с мужчинами не обсуждают. А больно? Больно, конечно. Неважно, как насилуют, приятно не выйдет. Да и наемник успел-таки... Только носу хуже, слезы из глаз текут. Ничего, пройдет, притерпелась уже.

Давид выбрался из пшеницы и подкрался к мертвому главарю наемников. Стрельнул глазами по сторонам и, присев на корточки, обыскал. В качестве трофеев перепал кошелек, пара ножей и палаш. Одежду Давид тоже снял, не стесняясь меня, разделся донага – белья на нем не оказалось, да и откуда? – и натянул обновки. Они пришлись впору. Новый знакомый довольно крикнул и свистнул, сунув два пальца в рот. Со стороны леса, прихрамывая, вышел еще один беглец. Ему, в отличие от Давида, с одеждой не повезло: рубашки нет, только потертые, обвисшие на коленях штаны и кожаная куртка, наверное, его ровесница. В руках мужчина держал арбалет.

– Где Нотан? – обеспокоено озирался по сторонам Давид.

– Подстрелили, сукины дети! – Мужчина сплюнул и скривился от стрельнувшей болью ноги.

– Как, насмерть?! – взвился спаситель, огласив воздух потоком ругательств.

Закрыла уши руками, не желая слушать о гадах в выгребных ямах.

Высказав все, что считали нужным, мужчины вместе обчистили почивших в бозе наемников.

– Ты, надеюсь, нас не выдашь? – Давид обернулся ко мне и смерил тяжелым взглядом, словно раздумывая, а не совершил ли он глупость, так много рассказав.

Замотала головой и попятилась. Может, уйти? Но ведь у них арбалет и нож, да и раз убегаю, решила выдать властям. Лучше вести себя естественно, насколько это возможно в сложившейся ситуации. Например, отыскать сумку и пальто, вдруг целы? Хорошо бы со снадобьем ничего не случилось, оно дорогое. А потом... Потом найду предлог, чтобы расстаться с неожиданными знакомыми, и загляну к кузнецу. Без ножа отныне из замка не выйду.

– Давид, может, ее лучше того, а? – Второй хыр недобро покосился на меня.

– Она торха, Гор.

– Так выдаст же! Женщину ударь пару раз, она мать родную продаст, – убеждал недоброжелатель. – Глянь на нее! Вон какая ухоженная... была, явно с хозяином ладила. Заметь, одна по дороге шла, без охраны.

– Я не выдам, – хлюпая кровоточащим носом, заверила я и выбралась на дорогу. – Я тоже мечтаю вернуться на родину, поэтому помогу. Вы мне жизнь спасли.

– Верю, – улыбнулся Давид. – У тебя глаза честные. До ближайшей деревни далеко?

– Чуть больше километра. Вы осторожнее, – понизив голос, предупредила: – Замок хозяина рядом. Там солдаты, а еще в окрестностях маг-охотник бродит.

Хыры переменились в лице. Последнее известие стало для них неприятным сюрпризом. Задумалась: не их ли искала снэрра Джованна? Ее работа – ловить беглых.

– Вот что, девочка, проведи в обход деревни и купи поесть. Хлеба там, кольцо колбасы... – Давид подбросил на ладони отобранный у главаря разбойников кошелек.

Кивнула, не задумавшись о последствиях. Пособничество беглым рабам со стороны других рабов каралось смертной казнью. Но не могла я просто уйти! Если бы не Давид и Гор, меня бы по очереди, а то и не один раз отымели наемники и бросили умирать под кустом. А подозрения Гора... На его месте я бы тоже пугалась мышиного писка.

Перевязав Гора и остановив, наконец, мое кровотечение, нашли драконьи капли. Слава Шоану, не разбились! Засунув их в карман пальто, повела спасителей по широкой дуге, стара-

ясь держаться вдоль леса. Третьего беглого хоронить не стали: потеряем драгоценное время, и так слишком шумели. Давид сотворил над ним молитву и прикрыл валежником.

Оставив хыров в подлеске, сжимая в кулаке монетки, отправилась за провизией. По дороге не выдержала, заглянула-таки на кузню. Ее владелец, рослый плечистый мужик, отнесся к просьбе скептически.

– Ты хоть знаешь, что это незаконно, детка?

Поникла и робко предложила:

– А за золотой цейх? Совсем простенький маленький ножик.

– Ага, я его сделаю, а ты норна зарежешь. Соучастником пойду. Нет, деточка, без ножика обоим спокойнее.

– Мне не для убийства, а для самообороны! – цепляясь за последнюю надежду, выпалила я.

– Самообороны? – Кузнец насупил брови, разглядывая мое лицо. Догадываюсь, какая сейчас красавица! – От тех, кто тебе нос расквасил?

– Я в город хожу. Темнеет рано, пьяных много. Они на браслет не смотрят, им другое надо. Вот и привязался один.

– Нечего одной ходить, девочка. – Кузнец хлопнул по плечу. Рука у него оказалась тяжелой, будто каменная. – Ножичек только разозлит. Убьют, закопают, и никто не найдет. Топай отсюда. Считаю, я ничего не слышал, а то возьму и все хозяину расскажу. Пьянчугу хоть запомнила? А то виконт Тиадей весь город казнит.

Заверила, что помню, и робко спросила:

– А заколку можно? – Уходить не хотелось, сегодняшний случай доказал, без оружия никак нельзя. – Острую такую, длинную, чтобы пучок скрепить.

– Можно, – улыбнулся кузнец, разгадав мой умысел. – Законом не запрещено. Ладно, сделаю, за дамский стилет сойдет. Только никому не показывай, а если к стенке прижмут, говори, в городе купила. Через недельку зайди. Семьдесят серебром возьму.

Почти целый цейх – в одном золотом цейхе восемьдесят серебряных монет – крон. Но я не стала торговаться, еще и поблагодарила.

Уладив дела с кузнецом, направилась в деревню. Дорога шла через мостик. Глянула на отражение в реке – красавица! Половина лица в крови, другая – в земле, вместо носа – что-то непонятное, на шее – бурые пятна. Ладно, рабов часто бьют, никто внимания не обратит. Совру, хозяйский сервиз разбила. Фамильный.

Торговец подозрительно покосился, когда попросила две буханки хлеба, кольцо кровяной колбасы и пару фунтов бобов, но промолчал. Постаралась завязать непринужденный разговор. Человек, замысливший противозаконное деяние, не станет болтать о всякой чепухе, быстро уйдет, а я, наоборот, задержалась, даже купила леденцов – мелких таких, в жестяных коробках. В лавке осталось две штуки после праздника. Видимо, местные сладкое не любили, а я хотела заесть волнение.

На обратном пути сгрызла яблоко-паданку. Оно, конечно, подгнило немного, но вкусное. Подумав, собрала немного яблок для хыров.

Беглецы ждали в полукилометре от деревни, притаившись в канаве. Гор выглядел неважно, периодически сквернословил от боли. Повязка на ноге набухла, пропиталась кровью. Ему бы к врачу, только кто согласится его лечить? Эх, вспомнить бы хоть какое-то народное средство, нас же учили... Кажется, нужно нарвать листьев белены и срезать кору с ольхи. Не сильна я в травах.

– Ну, как там?

Давид с жадностью набросился на еду, Гор не отставал. Сколько же дней они не ели?

– Тихо. Объявления о розыске не висят.

Подождав, пока хыры закончат трапезу, повела их кружной дорогой, надеясь самой не заплутать. Места знала плохо, но спасибо недавней прогулке на Раше – помогла сориентироваться.

Мы шли, вполголоса переговариваясь, когда Гор неожиданно поднял палец. Огляделась, пытаюсь понять, что же его так напугало. Тихо, изредка птички переговариваются. Ветер в кронах гуляет. И тут я услышала хруст. Сердце рванулось из груди, а потом упало в желудок. Там, в лесу, кто-то был! Хорошо, если зверь... Отвернулась всего на мгновение, а хыров уже след простыл, только ветви кустарника качаются. Спрятались. Мне тоже не мешало бы, но кто прячется, тот виновен. С другой стороны, вдруг меня тоже примут за беглую?

Подумав, со всех ног кинулась к проселочной дороге и налетела на отряд солдат во главе со снэррой Джованной. Судя по ее гаденькой улыбке, болтаться мне на одной веревке со спасителями.

– Старая знакомая! И опять в бегах. – Магичка объехала вокруг меня, щелкая пальцами. – Только на этот раз изрядно потрепанная. Ну, что скажешь?

– Я возвращалась в замок, и на меня напали наемники. – Правда, снэрра, лгать не собираюсь.

– Протяни руку, – властно потребовала старая знакомая.

Испуганно косясь на длинные стволы ружей, подчинилась. Охотничий маг начертила на ладони ногтем какую-то руну и повторила вопрос. Ответила слово в слово. Руна вспыхнула белым пламенем и испарилась, не оставив следа.

– Странно, не врешь, – разочарованно пробормотала Джованна и отпустила. Затем обернулась к командиру отряда и указала на лес. – Они там. Двое. Полмили на северо-восток. Возьмете на просеке.

Мужчина кивнул, прищипорил коня и отдал короткое указание подчиненным.

Я осталась наедине с магичкой. Та с видом абсолютного равнодушия подпиливала расслоившийся ноготь.

Из леса донеслись крики, а потом все стихло. Через пару минут вернулись солдаты. Двое обтерли о палую листву широкие охотничьи ножи.

– Все в порядке, госпожа снэрра, пошли на корм зверям, – отрапортовал командир.

Плечи невольно задрожали, на глаза навернулись слезы.

Шоан, их убили только за то, что они хотели вернуться к семьям, на родину!

– Отвези ее в замок, – указав на меня, приказала ближайшему солдату Джованна. – Пусть маг виконта нос посмотрит.

Меня посадили на лошадь позади всадника, поэтому всем телом ощущала движения животного. Хорошо, ехали шагом, а то бы зад отбила или вовсе упала. И так сползала, за солдата цеплялась.

Чем ближе подъезжали к замку, тем меньше туда хотелось.

Меня била дрожь. Воображение услужливо рисовало картины смерти хыров. Их, наверное, сначала застрели, а потом, для верности... Но у Гора был арбалет! Ну да, он не успел им воспользоваться. Они бежали к просеке, а солдаты ждали их, взведя курки. Не дали хырам времени, подстрелили издали. Потом подъехали и добили.

– Замерзла? – Солдат обратил внимание на мои трясущиеся руки.

Промолчала. Не хотелось говорить с человеком, который травил людей, как кроликов.

В замке меня встретила недовольная Сара, собиравшаяся отчитать за затянувшуюся прогулку. Увидев мой нос, она замерла с открытым ртом.

– Где вы ее нашли? – наконец выдохнула экономка.

– Да за деревней, – неопределенно махнул рукой солдат. – Какие-то хмыри напали. Я не видел, но госпожа снэрра сказала, девчонка не врет. В общем, получите свое сокровище, и я поехал.

Служивый сгрузил меня на землю и вопросительно уставился на женщину. Та быстро сообразила, чего от нее ждут, и всучила ему серебряную монетку.

Пока Сара занималась урегулированием денежного вопроса, постаралась незаметно прошмыгнуть в кухню, чтобы избежать ненужных вопросов. Не вышло. Пришлось вернуться и отдать драконьи капли. Сара со вздохом забрала их, развернула меня к свету и, качая головой, осмотрела нос.

– Рассказывай, как было, Лей.

Я все и рассказала, умолчав лишь о помощи хырам. Придумала, что наемников спугнули солдаты.

– Так, немедленно к сеньору Мигелю, не переодеваясь! – скомандовала экономка. Сейчас она напоминала воинственную деву, только меч не хватало. – Сама пошлю за врачом и доложу хозяину.

– Не надо хозяину! – взмолилась я.

Норн непременно допросит с пристрастием, быстро выведет на чистую воду.

– Мне лучше знать, – отрезала непривычно суровая Сара. – Идем!

Маг не обрадовался неожиданной работе. Он спокойно сидел, читал, потягивая ароматный глинтвейн, а тут чей-то разбитый нос. Взгляд Мигеля красноречиво свидетельствовал, я – лиш- ний предмет в его любимой библиотеке.

– Садись, – сжав губы в тонкую ниточку, бросил он, неопределенно махнув рукой.

Присела на краешек стула, хлопая ртом, как рыба: дышать носом не могла. Маг подошел, склонился надо мной и внимательно осмотрел перелом.

– Да уж, повозиться придется! – недовольно пробурчал он. – Наверняка с лестницы навернулась, а я теперь лечи! Сиди и не рыпайся.

Я и не собиралась.

Первое же прикосновение вызвало дикую боль. Не обращая внимания на судорожные подергивания и побелевшие костяшки пальцев, которыми я вцепилась в стол, Мигель с без- различием палача приводил кости в порядок. Хмыкнув, маг прошептал заклинание и отошел, придиричиво разглядывая. За этим занятием его и застал Сашер альг Тиадей, стремительно ворвавшийся в библиотеку.

– Ну и красавица! – Не понравился мне его тон. – Кто так тебя? Зеленоглазка, я спра- шиваю, кто?!

Я подскочила от звериного рыка. Сжавшись, решила, сейчас он меня ударит. Маг виконта тоже вздрогнул и медленно попятился вглубь библиотеки. Понятно, мысли у нас одинаковые.

– Мигель, что у нее с носом? – Норн подошел ближе, буравя янтарными глазами.

– Сломан, мой норн. – Мигель с тоской посматривал на дверь. Ну да, кто же захочет остаться в комнате с разъяренным драконом? – Ничего, я быстро все исправлю.

– Лей, – голос хозяина стал мягче, – кроме носа еще что-то?

– Они несколько раз ударили, – чуть слышно пробормотала я, гадая, стоит ли говорить про Анафа.

– Они? – наморщил переносицу виконт. – Грязные свиньи, всех велю повесить! Хотя нет, сначала они попрыгают под щипцами палача. Лей, – он ощупывал мое тело, подмечая места, где я болезненно кривилась, – почему ты не хочешь все рассказать?

– Я хочу, хозяин, просто мне тяжело одновременно дышать и говорить.

Чистая правда: дышать со сломанным, забитым сгустками крови носом сложно.

Норн кивнул и отошел, наблюдая за тем, как колдует Мигель.

Нос жутко чесался, потом полыхнул жаром, а потом стал мертвенно-холодным.

– Все, – сообщил Мигель, вернувшись к прерванному чтению, – если руками не трогать, через час срастется.

– Спасибо, – скупно поблагодарил хозяин, взял меня под руку и вывел в коридор.

Тревожно косилась на норна, гадая, что ему известно. Не успела ли снэрра Джованна выяснить истинное положение дел? О возможностях магов я ничего не знала, может, они в голову заглядывать умеют. Но хозяин не начал разговор на тему «мне все известно», он всего лишь затащил в спальню и раздел. Естественно, увиденное ему не понравилось.

– Зеленоглазка, тебя изнасиловали?

С таким выражением лица убивают – жесткое, непроницаемое. Янтарные глаза практически стали карими.

Интересно, подлежит ли наказанию торха, если ее изнасиловали? Вдруг это тоже преступление? Умри, но не дай другому мужчине.

– Пытались, – пролепетала я.

– Кто?!

Я мечтала провалиться сквозь землю. Он не спросил, а прорычал, как дикий зверь, предупреждающий жертву, что минуты ее сочтены.

– Не знаю, хозяин, наемники. – Судорожно глотнула.

– Какие наемники? Где ты их встретила? Приметы? – Вопросы сыпались градом стрел. – Зеленоглазка!!!

Прикрывшись – неудобно разговаривать голой, – сбивчиво пересказала свои злоключения, упустив помощь хыров и изменив место действия. Вернее, я о нем просто не упомянула.

– Анаф! – прошипел хозяин, сжав кулаки. – Решил, никто не узнает? Ничего, он ответит перед законом. Ты моя, Лей, моя и больше ничья! – Норн встряхнул за плечи и впился в губы болезненным поцелуем. – Ублюдков четвертуют, живых или мертвых. Снэрра Джованна поможет.

Лучше не надо! Но сказать такое норну, разумеется, не могла, и мысленно приготовилась к тому, что меня четвертуют вместе с покойниками.

Прибывший в замок врач констатировал ушиб органов брюшной полости, изнасилование, магически залеченный перелом носа и пару незначительных повреждений.

Хозяин рвал и метал. Не выдержав, отправился на поиски снэрры Джованны. Я торха, не могу обвинять норна, нужно, чтобы слова рабыни подтвердили либо аверд, либо магическая проверка. Судя по всему, на обратном пути виконт заглянет к соседу и вряд ли ограничится повесткой в суд.

Хыры сделали ванну и смазали синяки пахучей мазью. К ушибам приложили лед.

Пришла Сара, со вздохом взглянула на меня и велела лежать. Я и лежала, рассматривая потолочные балки и заодно кружево паутины в углу, гадая, через сколько минут или часов придет возмездие. Оно в лице хозяина и снэрры Джованны явилось к обеду. Вошедшие о чем-то горячо спорили по-ангерски. Говорил больше норн, магичка ограничивалась лишь короткими ответами.

– Итак, где вы ее нашли, снэрра Джованна? – Хозяин навис надо мной.

Мысленно помолилась Шоану: ядовитости тона хозяина позавидовала бы любая змея.

– За деревней. Вылетела из подлеска, как испуганный олень. – Джованна одарила жертву насмешливой улыбкой.

– Вы спросили, что она там делала?

Допрос велся исключительно ради подсудимой, то есть меня. Норн давно знал ответы на все вопросы.

– Разумеется, и проверила правдивость ответа. На нее напали наемники.

– Весь вопрос: где? Тела нашли совсем в другом месте. Да и Анаф подтвердил, что они ждали торху на дороге. С приставленным к горлу клинком не будешь лгать. Так может быть, врет кто-то другой? – Хозяин выразительно посмотрел на меня. – Ну, Зеленоглазка? Правду и ничего, кроме правды.

И я, задыхаясь от страха, рассказала и замолчала, когда дошла до пущенного в лоб наемнику болта.

– Дальше! – хозяин требовательно смотрел в глаза. Он стоял, скрестив руки на груди. – Помнится, я предупреждал, наказание за ложь может намного превосходить вину.

Куда уж больше? Дважды убить невозможно. Хотя, у асаргцев богатая фантазия. Вдруг они перед четвертованием вырвут язык?

– Меня спасли хыры, – коротко пересказала оставшуюся часть событий.

– Беглые хыры, убившие авердов, – отчеканил виконт. – Ты помогала им? – Глаза норна сузились.

– Я просто... – судорожно сглотнула и тихо всхлипнула. – Они мне жизнь спасли, а я еды принесла. – Не сомневаюсь, лавочник уже обо всем сообщил хозяину.

– Ты знаешь, что полагается за пособничество беглым рабам?

Знаю. Поэтому и снэрра здесь. Магические оковы, в темницу и на дыбу?

– Если бы не они, меня по очереди насиловали бы пятеро мужчин, а когда бы им надоело, перебили все кости, – когда нечего терять, можно отвечать смело.

Норн задумался и обернулся к снэрре Джованне.

– Проверьте, врет ли. Если потребуется, вытяните всю правду. Потом зайдите ко мне.

Хозяин ушел, а я осталась наедине с магичкой.

– Ну как, сама все расскажешь, или прибежем к методам дознания?

Джованна выразительно зажгла и погасила на ладони синий огонек. Заметив мой интерес, улыбнулась:

– Он как настоящий, можно обжечься.

Выбора нет, пришлось повиниться, старательно сглаживая острые углы. Судя по выражению лица снэрры, я уже покойница.

– Что ж, – заключила она, – виконту Тиадею пора искать новую торху. Может, конечно, и выкрутишься, но вряд ли. Вообще, он слишком добр к тебе, не беременна ли? Тогда считай, тебе крупно повезло.

Увы, капли я пила регулярно, даже крошечной надежды не осталось.

Магичка ушла, я снова осталась одна. Прижав колени к подбородку, лежала на кровати, молилась, вспоминала дом, лица родных... Скоро я их всех увижу, вернусь в Кевар. Только на том свете.

Дверь распахнулась, и на пороге возник квит. Вот и познакомимся. В руках он держал веревку с петлей.

Пискнула и забилась в дальний угол кровати. Неужели меня повесят прямо здесь?

«Вставай!» – Квит демонстративно взмахнул петлей и, прицелившись, набросил на шею. Потянул на себя, принуждая встать и подойти, чтобы не задохнулась. Достав ручные кандалы, квит зафиксировал запястья за спиной и на поводке повел во двор.

В холле встретила хозяина, хмурого, задумчивого. Он не удостоил меня взглядом.

Мы остановились перед знакомым столбом, только на этот раз к нему прибили перекладину. Виселица. Вопреки ожиданиям, квит не перекинул веревку через брус, а толкнул к ввинченному в стену крючьям. Освободив от петли, он приказал двум дворовым хырам раздеть меня. Донага, прикрыв низ живота обрывком ткани на тесемках, заменявшим трусики. А ведь на улице начало октября!

Дрожащую от страха и холода, сгорающую от стыда, меня выставили на всеобщее обозрение с начертанной на груди углем надписью. Какой, не получилось разобрать. Распята на крючьях, я не могла прикрыться и гадала: вдруг я уже хыра, и любой может воспользоваться столь щедрым предложением. К счастью, никто насиловать не собирался.

Я провисела так до утра, от холода не чувствуя пальцев. Потом пришел квит, перевернул животом к стене и высек смоченной в специальной жидкости крученой плетью. Сказать, что больно, – это ничего не сказать, но я не кричала: не могла, из груди вырывался только хрип.

Квит исполосовал мне всю спину и ягодицы и, довольно хмыкнув, разомкнул кандалы. Мое обмякшее, окровавленное, замерзшее тело рухнуло на землю. Идти не могла, к виселице меня волокли, периодически награждая пинками. Накинули балахон, прислонили к столбу, набросили петлю на шею. Подняв глаза, увидела хозяина, наблюдавшего за казнью с крыльца. В руках он держал белый платок. Вздрыгнула и отвернулась, чтобы не видеть отмашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.